

Главный редактор научного журнала «PRIMO ASPECTU»
доктор педагогических наук, профессор,
проректор Волгоградского государственного технического университета (ВолгГТУ)
Р. М. ПЕТРУНЕВА

Редакционная коллегия:

Багдасарьян Надежда Гегамовна – профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, профессор (Россия)

Вуков Николай – профессор, старший научный сотрудник Болгарской Академии наук (Республика Болгария)

Галиймаа Нямаа - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных наук, Институт социальных и гуманитарных исследований, Монгольский государственный университет науки и технологий (Монголия)

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (Россия)

Докторов Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге, почетный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской Академии социальных наук, независимый аналитик и консультант (США)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор Волгоградского государственного технического университета (Россия)

Жаркынбаева Роза Сейдалиевна – доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби (Казахстан)

Жураковский Василий Максимилианович – академик РАО, доктор технических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) (Россия)

Звоновский Владимир Борисович – доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и психологии Самарского государственного экономического университета, президент Фонда социальных исследований (Россия)

Лашук Ирина Валерьевна - кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси (Белоруссия)

Леонтьева Елена Юрьевна – доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного технического университета (Россия)

Похолков Юрий Петрович – заведующий кафедрой организации и технологии профессионального образования Национального исследовательского Томского политехнического университета, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ, Президент Ассоциации инженерного образования России (Россия)

Рашева Ивета – профессор, старший научный сотрудник Болгарской Академии наук (Республика Болгария)

Розов Николай Христович – декан факультета педагогического образования МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор физико-математических наук, профессор член-корреспондент РАО, Заслуженный работник высшей школы РФ, Лауреат премий Правительства Российской Федерации в области образования (Россия)

Сазонова Зоя Сергеевна – доктор педагогических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) (Россия)

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Россия)

Стронгин Роман Григорьевич – президент ННГУ им. Н.И. Лобачевского, вице-президент Российского союза ректоров, доктор физико-математических наук, профессор, председатель совета ректоров ПФО (Россия)

Троян Сергей Станиславович – заведующий кафедрой внешней политики и дипломатии Дипломатической академии Украины при МИД Украины, доктор исторических наук, профессор (Республика Украина)

Цэцэнбилег Цевений – профессор Монгольской академии наук (Монголия)

Чучалин Александр Иванович – председатель аккредитационного центра АИОР, доктор технических наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия)

Юдит Аксади – профессор, старший научный сотрудник института теории и методологии научных исследований Венгерской академии наук (Венгрия)

PRIMO ASPECTU

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель

Дулина Н.В., д.соц.н., проф.
(ВолгГТУ)

Леонтьева Е.Ю., д.филос. н., проф.
(ВолгГТУ) (зам. председателя)

Артюхович Ю.В., д.филос.н., проф.
(ВолгГТУ)

Васильева В.Д., д.пед.н., проф.
(ВолгГТУ)

Виноградова Н.Л., д.филос. н.,
проф. (ВолгГТУ)

Леонтьев А.Н., к.филос.н., доц.
(ВолгГТУ)

Топоркова О.В., к. пед.н., доц.
(ВолгГТУ)

Овчар Н. А., к. соц.н., доц.
(ВолгГТУ) (ответственный секретарь)

Ануфриева Е.В., к. филос. н., доц.
(ВолгГТУ)

Международный индекс журнала
ISSN 2500-2635.

Журнал распространяется
по подписке.

Индекс журнала по каталогу
Агентства «Роспечать»
для Российской Федерации –
94192(ОК+ЭК). По вопросам
подписки обращаться
в издательство.

Тел. издательства ВолгГТУ:

(8442) 24-84-06

Факс (8442) 24-84-06

otr@vstu.ru

Научный журнал

Издается с января 2004 г.

Выходит четыре раза в год

№ 1 (29)

Март

2017

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ высшего образования

«Волгоградский государственный технический университет»

Адрес редакции:

Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28.

Телефон: гл. редактор – (8442) 24-80-15

E-mail: raissa@vstu.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–63553 от 30 октября 2015 г.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

**Авторское право на журнал в целом принадлежит Учредителю,
на отдельные статьи – сохраняется за автором**

Перепечатка из журнала «PRIMO ASPECTU»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«PRIMO ASPECTU» обязательна

Head Editor of the scientific journal "PRIMO ASPECTU":

Petruneva R. M. – Doctor of Science (Pedagogy), Professor, Vice-Rector of Volgograd State Technical University (VSTU)

Editorial board:

Bagdasarian Nadezhda Gegamovna – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Sociology and Culturology, Bauman Moscow State Technical University (Russia)

Vukov Nikolai - Professor, senior scientific researcher of the Bulgarian Academy of Sciences (The Republic of Bulgaria)

Galiymaa Nyamaa - Doctor of History, Professor, Head of the Department of Human Sciences, Institute of Social and Humanitarian Studies, Mongolian State University of Science and Technology (Mongolia)

Ganapolsky Michael Grigoryevich - Doctor of Science (Philosophy), Professor, Principal Researcher, Institute of North Development Problems, Siberian Branch of Russian Academy of Science (Russia)

Doctorov Boris Zusmanovich - Doctor of Science (Philosophy), Professor, Associate of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in Saint Petersburg, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Member of the Russian Academy of Social Sciences, independent researcher and consultant (USA)

Dulina Nadezhda Vasilyevna - Doctor of Science (Sociology), Professor, Volgograd State Technical University (Russia)

Zharkynbaeva Roza Seydaliyevna - Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Zhurakovsky Vasily Maksimilianovich – Academician of RAO, Doctor of Technical Sciences, Professor, Moscow State Automobile and Road Construction University (MADI) (Russia)

Zvonovsky Vladimir Borisovich - Doctor of Science (Sociology), Head of the Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics, President of Social Research Institute (Russia)

Lashuk Irina Valeryevna - Candidate of Sociology, Associate Professor, Deputy Director for Research of the Institute of Sociology of NAS of Belarus (Belarus)

Leonteva Elena Yurievna - Doctor of Science (Philosophy), Professor, Volgograd State Technical University (Russia)

Pokholkov Yuri Petrovich – Head of the Department of Management and Technology of Higher Professional Education of National Research Tomsk Polytechnic University, Doctor of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of Science and Technology of the Russian Federation, President of the Association for Engineering Education of Russia (Russia)

Rasheva Iveta - Professor, senior scientific researcher of the Bulgarian Academy of Sciences (The Republic of Bulgaria)

Rozov Nikolai Khristovich – Dean of the Faculty of Pedagogical Education, Moscow State University, Doctor of Science (Phys.-Math.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (Russia)

Sazonova Zoya Sergeevna - Doctor of Science (Pedagogy), Professor, Moscow State Automobile and Road Construction University (MADI) (Russia)

Simonyan Renald Hikarovich - Doctor of Science (Sociology), Principal Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Strongin Roman Grigoryevich - Doctor of Science (Phys.-Math.), Professor, President of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Vice-President of the Russian Union of Rectors, Chairman of the Volga Federal District Councils of Rectors (Russia)

Troyan Sergey Stanislavovich - Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Foreign Policy and Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Ukraine Ministry of Foreign Affairs of Ukraine (Ukraine)

Tseven Tsetsenbileg – Professor of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia)

Chuchalin Alexander Ivanovich - Doctor of Science (Technical), Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, Chairman of Accreditation Board of the Russian Association for Engineering Education (RAEE/AIOR) (Russia)

Judit Ascady - Professor, senior scientific researcher of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary)

PRIMO ASPECTU

VOLGOGRAD STATE TECHNICAL UNIVERSITY

Editorial board:

Head Editor

Dulina N.V., chairman of the Editorial Council, Doctor of Science (Sociology), Professor (VSTU)

Leonteva E.Yu., vice-chairman, Doctor of Science (Philosophy), Professor (VSTU)

Artukhovich Yu.V., Doctor of Science (Philosophy), Professor (VSTU)

Vasilyeva V.D. - Doctor of Science (Pedagogy), Professor (VSTU)

Vinogradova N.L., Doctor of Science (Philosophy), Professor (VSTU)

Leontev A.N., Cand. of Science (Philosophy), Assoc. Professor (VSTU)

Toporkova O.V., Cand. of Science (Pedagogy), Assoc. Professor (VSTU)

Ovchar N.A., Cand. of Science (Sociology), Assoc. Prof., (VSTU) (Executive Secretary)

Anufrieva E.V., Cand. of Science (Philosophy), Assoc. Prof., VSTU)

International index of the journal
ISSN 2500-2635.

The journal is distributed
by subscription.

Index of the journal in the catalogue
of the Agency "Rospechat" for the
Russian Federation – 94192(OK+ЭК).
Concerning subscription turn to the
editorial office.

Tel. Of VSTU editorial office:

(+7 8442) 24-84-06

Fax: (+7 8442) 24-84-06;

otr@vstu.ru

Scientific journal

Published since January 2004

4 times a year

№ 1 (29)
March
2017

FOUNDER:

FSBEI of Higher Education
"Volgograd State Technical University"

Editorial office address:

Volgograd, Lenin avenue, 28.

Tel.: Head Editor – (+7 8442) 24-80-15

E-mail: raissa@vstu.ru

The journal is registered at the Federal Service on Control in the Sphere of Communication, IT and Mass Communications (Roscomnadzor)
Registration certificate ПИ № ФС77–63553 of October 30, 2015

Is printed according to the decision of editorial-review board of
Volgograd State Technical University

*The copyright for the journal in general belongs to the Founder,
for separate articles – to authors.*

*Reprint from the journal "PRIMO ASPECTU" is strongly forbidden without
conclusion of an agreement in accordance with the legislation of the RF
When reprinting the materials, the citation to the journal
"PRIMO ASPECTU" is obligatory*

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Беликова Е. О. 17	Машенцева Н. В. 70
Белякова Л. Ф. 67	Меркурьева В. С. 49
Берсанова З. Х.-А. 45	Назарова Т. П. 53
Бодина Н. С. 57	Никитина О. Г. 57
Васильева Е. Н. 27	Парамонова В. А. 17
Гарченко М. Н. 62	Петрова И. А. 41
Гриценко В. В. 57	Полтавская М. Б. 62
Данакари Р. А. 7	Рашева И. 32
Данилова Е. О. 27	Руссу О. Д. 75
Каргаполова Е. В. 11	Сидорова Т. Л. 67
Кибасова Г. П. 41	Ушамирский А. Э. 22
Козлова С. И. 62	Шустова Л. П. 57

AUTHOR INDEX

Belikova E. O. 17	Merkureva V. S. 49
Belyakova L. F. 67	Nazarova T. P. 53
Bersanova Z. Kh. 45	Nikitina O. G. 57
Bodina N. S. 57	Paramonova V. A. 17
Danakari R. A. 7	Petrova I. A. 41
Danilova E. O. 27	Poltavskaya M. B. 62
Garchenko M. N. 62	Rasheva I. 32
Gritsenko V. V. 57	Russu O. D. 75
Kargapolova E. V. 11	Shustova L. P. 57
Kibasova G. P. 41	Sidorova T. L. 67
Kozlova S. I. 62	Ushamirskiy A. E. 22
Mashentseva N. V. 70	Vasileva E. N. 27

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

<i>Данакари Р. А.</i>	
Национальные общественные организации и их роль в формировании новой общероссийской идентичности...	7
<i>Каргаполова Е. В.</i>	
Социальные опасности: региональное измерение.....	11
<i>Парамонова В. А., Беликова Е. О.</i>	
Городское пространство: к вопросу о безопасности.....	17
<i>Ушамирский А. Э.</i>	
Реализация базовых интересов российской молодежи как источник конфликтов.....	22
<i>Васильева Е. Н., Данилова Е. О.</i>	
Социальные отношения и экономические интересы внешних трудовых мигрантов в пространстве современного города.....	27
<i>Рашева И.</i>	
Рассказ Паисия Хилендарского о христианизации Болгарии и русская историография.....	32
<i>Петрова И. А., Кибасова Г. П.</i>	
«Чужие среди своих, свои среди чужих» (русские на постсоветском пространстве).....	41
<i>Берсанова З. Х.-А.</i>	
Факты проявления интернационализма на фронтах Великой Отечественной войны (на примере воинов из Чечено-Ингушетии).....	45
<i>Меркурьева В. С.</i>	
Эвакуация детей-сирот в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области).....	49
<i>Назарова Т. П.</i>	
Эмиграционные процессы в меннонитских колониях Юга России в 1920-е гг.....	53

ПЕДАГОГИКА

<i>Шустова Л. П., Никитина О. Г., Гриценко В. В., Бодина Н. С.</i>	
Опыт формирования этнокультурной идентичности и толерантности подростков в межнациональной и межконфессиональной среде учреждения дополнительного образования.....	57
<i>Полтавская М. Б., Гарченко М. Н., Козлова С. И.</i>	
Финансовая грамотность волгоградских школьников: опыт реализации проекта.....	62
<i>Сидорова Т. Л., Беякова Л. Ф.</i>	
Русский язык как средство общения студентов стран ближнего зарубежья в техническом вузе.....	67
<i>Машенцева Н. В.</i>	
Патриотическое воспитание личности в современном многонациональном вузе.....	70
<i>Руссу О. Д.</i>	
К вопросу о патриотическом воспитании молодежи.....	75

CONTENTS

SOCIOLOGY AND PHILOSOPHY

<i>Danakari R. A.</i>	
National public organizations and their role in new Russian national identity formation.....	7
<i>Kargapolova E. V.</i>	
Social risk : the regional dimension.....	11
<i>Paramonova V. A., Belikova E. O.</i>	
Urban space: to the question about security.....	17
<i>Ushamirskiy A. E.</i>	
Basic interests of the Russian youth as a source of conflicts.....	22
<i>Vasileva E. N., Danilova E. O.</i>	
The social relations and economic interests of external labour migrants in space of the modern city.....	27
<i>Rasheva I.</i>	
Paisiy Hilendarski's story about the christianization of Bulgaria and Russian historiography.....	32
<i>Petrova I. A., Kibasova G. P.</i>	
«Among its wrong, its among strangers» (Russians in the former Soviet Union).....	41
<i>Bersanova Z. Kh.</i>	
The facts of internationalism at the Great Patriotic war (in a sample of war participants from Checheno-Ingushetiya).....	45
<i>Merkureva V. S.</i>	
Evacuation of orphaned during the Great Patriotic War (on materials of Stalingrad region).....	49
<i>Nazarova T. P.</i>	
The emigration processes in the mennonite colonies of south of Russia in 1920s.....	53

PEDAGOGY

<i>Shustova L. P., Nikitina O. G., Gritsenko V. V., Bodina N. S.</i>	
Experience of formation of ethnocultural identity and tolerances of teenagers in the international and interfaith environment of establishment of additional education.....	57
<i>Poltavskaya M. B., Garchenko M. N., Kozlova S. I.</i>	
Financial literacy volgograd schoolchildren: the experience of project implementation.....	62
<i>Sidorova T. L., Belyakova L. F.</i>	
Russian language as a means of communication students from the near abroad in technical universities.....	67
<i>Mashentseva N. V.</i>	
Patriotic education of a person at modern multinational university.....	70
<i>Russu O. D.</i>	
The issue of patriotic education of youth.....	75

УДК 323.(470.45)
ББК 66.3(2Рос-4Вор),5

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

NATIONAL PUBLIC ORGANIZATIONS AND THEIR ROLE IN NEW RUSSIAN NATIONAL IDENTITY FORMATION

ДАНАКАРИ Ричард Арами

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
(Волгоградский филиал), Волгоград, Россия.
E-mail: rdanakari@mail.ru

DANAKARI Richard A.

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Volgo-
grad branch), Volgograd, Russia.
E-mail: rdanakari@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль и место национальных общин в процессе формирования новой общекультурной идентичности в современной России, а также особенности межнационального и межконфессионального взаимодействия народов Волгоградской области. Автор приходит к выводу о том, что за четверть века радикально изменилась социально-этническая структура российского общества, что сегодня во многом судьба страны зависит от межэтнических процессов, идущих в разных региональных сообществах. Они в значительной степени детерминируют реальность, определяют пути и перспективы российской цивилизации.

Ключевые слова: национальные общины, общероссийская идентичность, Юг России, Волгоградская область, региональное сообщество.

Abstract. This article considers the role and place of national communities in the process of new common cultural identity forming in modern Russia, as well as the features of peoples' international and interreligious cooperation in the Volgograd region. The author concludes that the Russian society socio-ethnic structure has radically changed during the quarter-century, the country's fate today is mainly dependent on the inter-ethnic processes taking place in different regional communities. They determine largely the reality, the ways and perspectives of the Russian civilization.

Keywords: public communities, all-Russian identity, South of Russia, Volgograd region, regional community.

После распада Советского Союза в России началось формирование нового многонационального и поликонфессионального сообщества. В Преамбуле Конституции Российской Федерации отмечается единство истории и общей судьбы многонационального народа нашей страны [2, с. 4]. За прошедшие десятилетия российское общество претерпело радикальную трансформацию, серьезно изменились его социальная и этническая структура. Преобразилось и большинство субъектов федерации, они стали более многосоставными и разнородными, полиэтническими и многоконфессиональными.

В центре данной работы межэтнические и межконфессиональные отношения в таком региональном сообществе, как Юг России, в том числе и в Волгоградской области. В числе актуальных задач – исследование роли

и места национальных общественных образований в социальном пространстве постсоветской России, в формировании общекультурной идентичности. Новизной работы является выявление и фиксация общественных изменений, происходящих на уровне провинций, местных образований, повседневного бытия десятков миллионов людей. Исследование провинциального среза реальности может дать объективную картину повседневности, помочь найти ответы на вызовы, с которыми столкнулась наша страна.

В первую очередь следует исходить из того, что важнейшим принципом устойчивости полиэтнического и поликонфессионального сообщества является соответствие социальной системы базовым национальным ценностям и собственным традициям.

Исследуя социокультурное пространство Российской Федерации, в частности, его бытие как соотношение целого и части, федерального и регионального, следует отметить, что в настоящее время она является одной из самых многонациональных стран СНГ. На ее территории проживает более 193 наций и этносов, принадлежащих к различным культурам, религиозным и языковым группам, обладающим своими традициями, обычаями, уникальным укладом жизни [5]. Подавляющее большинство из них является аборигенными народами, ведущими своеобразный уклад жизни, имеющими свои ценности, традиции и обычаи. В. А. Тишков пишет: «Совместное проживание носителей многих культур и языков в пределах одной страны и в составе одного российского народа было характерно для нашего государства на протяжении всей его истории. Многообразие населения стало источником постоянного и взаимообогащающего общения, условием развития страны» [4, с. 7].

Систематически повторяющиеся универсальные кризисы создают напряженность и угрозы для всех сфер жизни нашего общества, в том числе и сферы межэтнических отношений. Проявляясь на уровне разных субъектов (республик, краев и областей), социально-экономические кризисы в первую очередь дестабилизируют сферу межкультурного взаимодействия местных сообществ, жизнедеятельность социальных групп, вводят в состояние стресса и шока большинство индивидов. Межэтническая напряженность, а порой и конфликты, которые периодически происходят на локальном уровне, свидетельствуют о системности их влияния, особенно на стабильность и динамику общества. Например, сильный общественный резонанс вызвали конфликты на межэтнической почве, которые произошли 1 июля 2011 года в поселке Сагра Свердловской области, 5–6 июля 2013 года в г. Пугачев Саратовской области, 12–14 октября 2013 года в Бирюлево Западном Южного административного округа г. Москвы.

Региональные сообщества, находящиеся в транзитивном состоянии, – это сложные системы, гетерогенные структуры, включающие людей разных наций и этносов, религий и конфессий, статусов, поколений, социальных групп и слоев. Естественно, серьезной проблемой являются вопросы их интеграции, формирования как новой социокультурной целостности. В условиях существующих рисков и неопределенностей достаточно сложно проводить не только их аналитику, но и определить сущность, выявить реальные альтернативы и давать прогнозы будущего. На взгляд автора, регио-

нальное сообщество России следует рассматривать не просто как единицу, замкнутую на себя, а как диффузную и динамичную целостность, подверженную непрерывным изменениям под воздействием объективных и субъективных факторов.

Важно обратить внимание на то, что ныне региональные сообщества находятся на разных стадиях культурного и цивилизационного развития, характеризуются многообразием экономических, социальных, этнических, конфессиональных и иных различий. В динамике нашего общества, в том числе и местного уровня, одновременно присутствуют процессы полиэтнизации и диаспоризации, этнической стагнации и мобилизации, политизированной этничности и межнациональной напряженности. Словом, жизнедеятельность наций и этносов, межнациональные взаимодействия в регионах осуществляются в разных условиях, подвергаются воздействию различных внутренних и внешних причин, имеют неодинаковую интенсивность, векторы и направления развития. Следует согласиться с мнением О. М. Цветкова, когда он, актуализируя принцип единства в многообразии, пишет, что «...жизнеспособность гражданской нации зависит от благополучия составляющих ее этнонаций» [6, с. 205].

В «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» местной власти всех уровней отводится особая роль. Они призваны выражать разнообразные интересы жителей субъекта и способствовать более гибкому учету их этнических и культурных запросов, создать атмосферу мира и согласия, заниматься на местном уровне формированием межнациональной толерантности, позитивного отношения к культуре, традициям и обычаям народов страны [5]. Если говорить о Волгоградской области, то здесь существуют давние традиции совместного проживания всех этносов. Согласно Всероссийской переписи 2010 года, на ее территории проживают представители более 140 народов, в том числе 23 наиболее многочисленных национальностей. В настоящее время на территории Волгоградской области числится 65 зарегистрированных в установленном порядке национальных общественных объединений и 3 незарегистрированные, но осуществляющие свою деятельность [3].

В регионе накоплен значительный опыт межнационального диалога и межрелигиозного взаимодействия, обеспечены толерантность и мир, согласие и доверие между представителями различных этносов и религий. Комитет по делам национальностей и казачества области совместно с национальными общественными организациями, которые появились два десятилетия назад, постоянно проводит значимые мероприятия. Они посвящаются праздничным датам и памятным дням России, народов, проживающих в регионе. Многие национальные коллективы и группы являются непременными участниками всех крупных общегородских мероприятий, таких как «День Победы в Сталинградской битве», «День Великой Победы», «День города», «День народного единства».

Национальные общественные объединения стремятся работать над обеспечением социальной стабильности, созданием условий для удовлетворения жителями своих этнических, религиозных и культурных потребно-

стей и интересов, приобщения к лучшим традициям российской культуры. Используя поддержку всех ветвей власти, они ежегодно проводят Дни татарской, калмыцкой корейской, немецкой и других культур, День единения славян, День Дагестана, День Греции, День Полонии. Естественно, что отмечаются и религиозные праздники народов, такие как Рождество Христово, Пасха, Пейсах, Курбан-Байрам, Новруз, Ханука. Ежегодно на самом высоком уровне, с приглашением большой делегации из Татарстана, в области проводится национальный праздник татар Сабантуй.

Высокий накал патриотизма, существующий в Волгоградской области, руководители и активисты национальных общин Арсен Дауров, Геннадий Кошелев, Садай Кулиев, Ростом Шапиашвили и другие стремятся сочетать с традициями дружбы народов. В соответствии с государственной программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в регионе многое делается для укрепления славных исторических и интернациональных традиций, ведется большая воспитательная работа на примерах жизни и деятельности героев войны и труда, людей разных национальностей. Национальные общины региона с момента своего появления выполняют двуединую задачу: с одной стороны, работают над сохранением истории, родного языка, развитием культуры, традиций этносов, а с другой – способствуют формированию общей социокультурной идентичности народов России.

Активное влияние на гармонизацию сферы межэтнических отношений в нашем регионе оказывает возникшая несколько лет назад Волгоградская областная общественная организация развития культуры «Дом дружбы», возглавляемая К. Г. Фарниевым. Она представляет собой руководство и активную группу представителей большинства национальных общин, молодежь и студенчество, выступает как важный консолидирующий фактор в полиэтнической и поликонфессиональной среде региона [1]. Организация объединяет народы региона, вместе с властью и общинами организует и проводит огромное количество мероприятий: государственные праздники, национальные фестивали, встречи, семинары, молодежные диспуты, субботники. Организация способствует развитию и гармонизации межнациональных отношений в русле формирования общегражданской идентичности, стремится найти единые для всего местного общества интернациональные ценности. Уникальные возможности влияния на социально-политические процессы региона видятся именно в активной работе собственного интернет-портала, радио и журнала «Дом дружбы».

Журнал «Дом дружбы» распространяется как в печатном виде, так и в сети Интернет, находится в открытом доступе. Он публикует научные и популярные статьи межэтнического характера, освещает знаменательные даты, пишет о фестивалях, днях национальных культур, праздниках, обычаях, традициях народов России. Много внимания уделяется особенностям национального быта, ремеслам, кухне, одежде и другим характеристикам культуры этносов нашего региона. Важно отметить, что все материалы, любая информация, появляющаяся в журнале, носит как этнический, так и интернациональный характер.

Среди разных форм деятельности, проводимых национальными общинами, можно выделить организацию благотворительных вечеров, концертов с участием популярных российских и местных артистов. Руководители и активисты национальных общин вместе с работниками активно участвуют в городских и районных субботниках. В течение нескольких лет они обеспечивают высадку аллей дружбы не только в нашем регионе, на Юге России, но и в Крыму, других краях и областях Российской Федерации.

Таким образом, следует отметить, что большинство национальных общин Волгоградской области своей главной задачей считает работу по гармонизации межэтнических отношений в регионе, укреплению единства и дружбы народов Российской Федерации и СНГ, а также деятельность по обеспечению целостности государства и формированию общекультурной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Взаимодействие в национальной политике // Дом дружбы. – 2014. – № 23. – С. 21.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года). – СПб. : Питер, 2014. – 64 с.
3. Список национальных общественных объединений Волгоградской области на 01.01.2015 г. – Режим доступа : // www.дом-дружбы.рф.
4. Тишков, В. А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества // Статьи и интервью/ В. А. Тишков. – М. : Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. – 84 с.
5. Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Справ.-информ. портал «Гарант».
6. Цветков, О. М. Российская гражданская нация: проблемы укрепления и интеграции / О. М. Цветков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, психология, культурология. – 2009. – № 3. – С. 201–206 с.

УДК 316.334.52

ББК 60.59

СОЦИАЛЬНЫЕ ОПАСНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

SOCIAL RISK : THE REGIONAL DIMENSION

КАРГАПОЛОВА Екатерина Владимировна
Астраханский архитектурно-строительный
университет,
Астрахань, Россия
E-mail: k474671@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика субъективной оценки населением защищенности от социальных опасностей как показателя социокультурной безопасности региона на основе результатов мониторинговых социологических исследований в конкретном субъекте Российской Федерации – Астраханской области.

Ключевые слова: социальные опасности, защищенность, регион, социокультурная безопасность.

KARGAPOLOVA Ekaterina V.
Astrakhan State University
of Civil Engineering,
Astrakhan, Russia
E-mail: k474671@list.ru

Abstract. The article discusses the dynamics of protection from social dangers as an indicator of socio-cultural security of the region on the basis of the results of monitoring sociological research in a given subject of the Russian Federation in Astrakhan region.

Keywords: social risk, security, region, socio-cultural security.

© Каргаполова Е. В., 2017

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект 16-03-00463 «Динамика социально-экономического развития региона как гетерархической системы»).

В современном мире растет роль и влияние регионального фактора в общемировых процессах, что актуализирует изучение региональных аспектов безопасности. При этом безопасность региона в современном социально-гуманитарном знании может трактоваться как «социокультурная целостность региональной общности». Одним из важнейших показателей безопасности региона как социокультурной общности является субъективная оценка населением степени защищенности от социальных опасностей. Именно категория «защищенность» характеризует безопасность как «целевую функцию обеспечения максимально возможной при заданных условиях степени защищенности от неблагоприятных воздействий» [7, с. 245–246] и, таким образом, является интегральным индикатором социального самочувствия жителей региона [1–3].

Предлагается рассмотреть динамику субъективных оценок социальных опасностей жителей одного из регионов современной России – Астраханской области за период 2010–2016 гг. (табл. 1, 2). Здесь и далее приводятся результаты мониторингового социологического исследования, проведенного Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского государственного архитектурно-строительного университета. Руководители проекта в Астраханской области – Е. В. Каргаполова и А. Ю. Арясова. Сбор первичной социологической информации проводился методом интервью по месту жительства. Инструментарий разработан на основе Типовой методики Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», предложенной Центром изучения социокультурных изменений РАН. Руководители проекта на федеральном уровне – Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. Первая волна мониторинга прошла в декабре 2009 г. (N=1000), вторая – в мае–июне 2012 г. (N=600), третья – в апреле–мае 2016 г. (N=1000). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотирование проводилась по признакам – «пол», «возраст», «тип поселения». Погрешность выборки не превышает 3 %. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук. Анализ данных включал изучение линейных распределений.

В 2010 г. на первое место при оценке социальных опасностей (процент ответивших «совсем не защищен»; «пожалуй, не защищен от числа опрошенных») вышли преступность и бедность (разница минимальная – 52,6 % и 51,1 % ответов соответственно), на втором месте (опять же с минимальной разницей) – экологическая угроза и произвол чиновников (49,7 % и 48,3 % ответов соответственно). Далее отмечались произвол правоохранительных органов (36,8 % ответов), одиночество и заброшенность (32,3 % ответов). Наименее остро населением области ощущались такие социальные опасности, как преследования за политические убеждения (16,5 % ответов), притеснения из-за пола или возраста (16,2 % ответов), ущемления из-за национальности (11,5 % ответов), притеснения за религиозные убеждения (10,2 % ответов). Последние два показателя являются значимыми для многонационального и поликонфессионального региона. Среди других опасностей аст-

раханцами были названы проблемы со здоровьем и болезни, в частности, эпидемия гриппа N1H1, боязнь остаться без работы и быть невостребованным специалистом, война и терроризм, конец света, наркомания, алкоголизм, оскорбления, случайность, стихийные бедствия, убийства. Таким образом, в пятерку самых острых социальных опасностей (с минимальной разницей друг от друга) вошли преступность, бедность, экологическая угроза, произвол чиновников и правоохранительных органов. И последние две опасности институционно-регулятивной сферы, на взгляд автора, во многом являются причиной первых трех.

Результаты регионального исследования в контексте распределения самых острых социальных опасностей в иерархической последовательности, в принципе, соотносились с результатами пятой и шестой волн Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», полученных ЦИСИ ИФ РАН в 2006 и 2010 гг., но при этом уровень самых острых социальных опасностей россиянами и в 2006 г., и в 2010 г. оценивался несколько выше: преступность – 71 % и 62,3 % ответов, бедность – 68 % и 59,1 % ответов, экологическая угроза – 62 % и 64,5 % ответов, произвол чиновников – 59 % и 51 % ответов, произвол правоохранительных органов – 52 % и 44,4 % ответов соответственно. В целом степень незащищенности жителей Астраханской области от социальных опасностей была гораздо ниже, чем в среднем по России (коэффициент защищенности).

Таблица 1

Ответы астраханцев на вопрос «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Защищен			Пожалуй, защищен			Трудно сказать			Пожалуй, не защищен			Совсем не защищен		
	2010	2012	2016	2010	2012	2016	2010	2012	2016	2010	2012	2016	2010	2012	2016
От экологической угрозы	9,5	6,1	13,8	10,8	11,2	19,7	30,1	29,3	23,7	24,9	24,4	26,4	24,7	27,7	16,0
От притеснений из-за Вашего возраста или пола	31,4	29,4	29,4	25,4	25,3	31,6	26,9	21,8	21,1	11,3	12,4	12,2	5,0	9,3	5,3
От произвола чиновников	7,7	5,8	10,1	13,6	10,1	17,0	32,2	29,4	29,9	26,9	28,4	25,8	19,6	24,4	16,3
От ущемления из-за Вашей национальности	41,5	37,8	34,6	25,4	24,9	28,9	21,4	21,0	20,3	8,2	7,4	12,0	3,3	6,3	3,0
От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	42,1	43,2	35,0	24,6	22,1	28,8	22,9	18,4	20,7	6,9	6,8	10,1	3,3	6,5	4,4
От произвола правоохранительных органов	12,9	8,7	12,8	16,0	14,5	23,2	34,3	27,7	28,4	22,9	27,2	21,2	13,9	19,7	13,6
От преследований за политические убеждения	28,4	21,8	20,2	14,3	16,4	22,8	40,8	29,3	31,8	9,4	18,5	16,1	7,0	11,4	8,4
От бедности	8,6	7,5	9,8	12,1	15,2	17,3	28,1	22,4	25,6	25,5	21,3	24,5	25,7	31,1	21,8
От одиночества и заброшенности	22,8	21,9	18,7	20,0	16,9	26,2	24,9	21,3	22,0	15,7	16,1	18,4	16,6	21,4	13,9
От преступности	7,9	6,8	9,9	9,1	8,2	18,6	30,1	27,1	20,3	24,3	21,9	21,2	28,3	31,4	18,6

Таблица 2

**Астраханская область: незащищенность населения
от острых социальных опасностей (% ответивших от числа опрошенных)**

Варианты ответов	Единицы территориального деления, годы									
	Астраханская область						Российская Федерация			
	Пожалуй, не защищен + Совсем не защищен			Ранги незащищенности			Пожалуй, не защищен + Совсем не защищен		Ранги незащищенности	
	2010	2012	2016	2010	2012	2016	2006	2010	2006	2010
От экологической угрозы	49,6	52,1	42,4	3	4	2	62,0	64,5	3	1
От произвола чиновников	46,5	52,8	42,1	4	2	3	59,0	51,0	4	4
От произвола правоохранительных органов	36,8	46,9	34,8	5	5	5	52,0	44,4	5	5
От бедности	51,2	52,4	56,3	2	3	1	68,0	59,1	2	3
От преступности	52,6	53,3	39,8	1	1	4	71,0	62,3	1	2

Примечание. Использованы результаты Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», полученные Центром изучения социокультурных изменений института философии РАН в 2006 и 2010 г.

В 2012 г. показатели защищенности существенно, социально значимо снижаются по всем видам социальных опасностей. На 8,1 % увеличилось количество ответов «пожалуй, не защищен», «совсем не защищен» по такому виду социальных опасностей, как произвол правоохранительных органов, на 5,2 % – одиночество и заброшенность, а также притеснения из-за пола и возраста, на 4,3 % – произвол чиновников, на 3,1 % – притеснения за религиозные убеждения, на 2,4 % – экологическая угроза, на 2,2 % – ущемления из-за национальности, на 2,1 % – притеснения за религиозные убеждения, на 1,3 % – бедность, 0,7 % – преступность. Обращает на себя внимание рекордное (на 6,6 %) в данном ряду ответов снижение количества ответов «защищен» по такому виду социальных опасностей, как преследование за политические убеждения, при этом количество ответов «пожалуй, не защищен», «совсем не защищен» увеличилось также рекордно на 13,4 %. Среди других опасностей в 2012 г. астраханцами названы ветхое жилье, землетрясения, произвол СМИ, природные катаклизмы, терроризм.

Динамика снижения количества ответов «защищен» в 2012 г. была больше, чем динамика увеличения количества ответов «не защищен». Таким образом, астраханцы в 2012 г. были склонны более категорично оценивать свое социальное положение как незащищенное. Такая же тенденция зафиксирована в 2012 г. в Чувашской Республике: «практически по всем измеряемым видам опасностей произошло снижение доли тех, кто чувствовали себя защищенным» [8, с. 56].

Иерархия оценки астраханцами пяти самых острых социальных опасностей сохранялась и в 2012 г.: первые четыре места с минимальной разницей в 1,2 % заняли преступность, произвол чиновников, бедность и экологическая угроза, на пятом месте – произвол правоохранительных органов. Эта же тенденция наблюдалась и в других регионах России [см., например, 4, с. 54; 6, с. 63; 8, с. 57; 9, с. 73; 10, с. 66; 11, с. 46]. Хотя в Курской области уже в 2013 г. злободневность защищенности от преступности несколько снизилась, при этом зафиксирован рост остроты опасности бедности [4, с. 54].

В Астраханской области в 2016 г. на первое место в иерархии социальных опасностей вышла проблема бедности, показатели незащищенности от которой выросли с 2010 г., причем выросли существенно и составили 56,3 % ответов. На втором-третьем местах, с существенным отставанием от первого, – экологическая угроза и произвол чиновников (42,4 % и 42,1 % ответов, и это минимум в исследуемом периоде).

На четвертом месте по степени незащищенности оказалась такая социальная опасность, как преступность, которая по результатам первых двух волн мониторинга занимала стабильное первое место. Показатели незащищенности по этому виду социальных опасностей снизились также существенно, как и по экологической угрозе, и произволу чиновников – на 13,5 % по сравнению с результатами 2012 г. Хотя, что касается преступности, то на вопрос «Были ли случаи за последние 5 лет, когда Вы или члены Вашей семьи стали жертвами грабежа, нападения, насилия?» утвердительно ответил каждый пятый (20,2 %) астраханец.

Пятое место в иерархии социальных опасностей в 2016 г. сохранилось за произволом правоохранительных органов, степень незащищенности по которой вернулась к показателям 2010 г. и составила 34,8 % (минимум в исследуемом периоде). Такая же тенденция наблюдается с социальной опасностью одиночества и заброшенности, которая занимает стабильное шестое место. Показатели по этому виду социальных опасностей не вошли в пятерку самых острых социальных опасностей, но приблизились к произволу правоохранительных органов. И таким образом, незащищенность от одиночества и заброшенности отмечает каждый третий.

Необходимо отметить, что стабильное седьмое место занимает опасность преследования за политические убеждения. Но при этом показатели незащищенности выросли по сравнению с 2010 г. практически вдвое и также, как и незащищенность от бедности, имеют тенденцию к увеличению: в различной степени незащищенным от нее чувствует себя в 2016 г. уже каждый третий-четвертый опрошенный.

На восьмом-десятом месте с разницей в несколько процентов друг от друга – незащищенность от притеснений из-за возраста или пола, от ущемления из-за национальности и от притеснений из-за религиозных убеждений. При чем две последние опасности имеют тенденцию к росту показателей незащищенности. Среди других опасностей астраханцами были названы бродячие собаки, голодание, кирпич, молния, ДТП, разбойное нападение.

Необходимо отметить, что в ходе оценки большей части видов социальных опасностей примерно каждый третий-пятый респондент ответил «трудно сказать». «Сложности в четкой идентификации своего отношения к социальным опасностям могут свидетельствовать о неопределенности позиции жителей..., формировании внутренних ожиданий пока еще не проявивших себя со всей очевидностью опасностей, слабой информированности о происходящих в регионе и в стране процессах, и, как отмечают, многие ученые, проявлении гражданского нигилизма и социального равноду-

шая» [9, с. 73]. Но число ответов «трудно сказать» в Астраханской области имеет тенденцию к снижению. Общество поляризуется, поэтому и растет количество однозначно определившихся со степенью защищенности.

Подводя итоги, следует отметить следующее. С одной стороны, степень незащищенности жителей Астраханской области от социальных опасностей остается более низкой, чем в среднем по России. Данное обстоятельство подтверждает гипотезу о сельском, коллективистском характере менталитета астраханцев, пока еще характеризующемся меньшей степенью притязательности и мышления в категориях опасностей, присущему в большей степени урбанизированному сознанию.

С другой стороны, пятерка самых острых социальных опасностей сохранилась, но увеличилась разница оценки степени их значимости для астраханцев. На первое место выходит проблема бедности и остается более чем критической, как и по всей России [5, с. 98]. На фоне роста степени незащищенности от бедности все остальные острые социальные опасности отходят на второй план.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дулина, Н. В. Между заторможенным ростом и развитием модернизации регионов. Южный федеральный округ / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // СОЦИС. – 2015. – № 3. – С. 22–29.
2. Каргаполова, Е. В. Социальное самочувствие населения: региональный аспект / Е. В. Каргаполова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 8. – Сер. Социология. – С. 80–86.
3. Каргаполова, Е. В. Социальное самочувствие населения региона: опыт мониторингового исследования / Е. В. Каргаполова, С. В. Каргаполов // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 5 (132) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 16). – С. 42–47.
4. Когай, Е. А. Курская область на социокультурной карте России: монография / Е. А. Когай, Ю. М. Пасовец, А. А. Когай, Д. С. Яцкова. – Курск : МУП «Курская городская типография, 2015». – 236 с.
5. Лапин, Н. И. Симптомы социогуманитарной рецессии / Н. И. Лапин // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости : сб. науч. ст. / под ред. Ю. Р. Вишневого. – М.: РОС; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 97–104.
6. Шабунова, А. А. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты : монография / А. А. Шабунова, К. А. Гулин, М. А. Ласточкина, Т. С. Соловьева. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 158 с.
7. Солонина, В. П. Улучшение качества жизни населения в системе обеспечения безопасности социума (на примере города Ставрополя) / В. П. Солонина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 59. – С. 245–250.
8. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И. И. Бойко и др.; под ред. И. И. Бойко, В. Г. Харитоновой. – Чебоксары, 2015. – 244 с.
9. Социокультурный портрет Омской области / сост. и общ. ред. В. С. Половинко. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2011. – 396 с.
10. Тульская область в условиях финансово-экономического кризиса: коллект. монография / под ред. В. И. Мосина. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2011.
11. Характеристика социокультурного развития Тюменского региона : информационно-аналитический сборник / сост. и общ. ред. Г. Ф. Ромашкиной, В. А. Давыденко. – Тюмень : ТюмГУ, Тюменская областная дума, 2013.

УДК 316.334.56
ББК 60.55.66

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ

URBAN SPACE: TO THE QUESTION ABOUT SECURITY

ПАРАМОНОВА Вера Александровна

Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия
E-mail: paramonova69@yandex.ru

БЕЛИКОВА Екатерина Олеговна

Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия
E-mail: katena.belikova.81@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов городской безопасности, а также возможностей государства и муниципалитета в создании безопасной городской среды, анализируются основные социологические определения и подходы к изучению системы безопасности города. Уточняется социально-экономическое значение этой системы и связь организации системы безопасности с концепцией функционирования и развития города.

Ключевые слова: город; функции; внутренняя безопасность; внешняя безопасность; мегаполис.

PARAMONOVA Vera A.

Volgograd State University,
Volgograd, Russia
E-mail: paramonova69@yandex.ru

BELIKOVA Ekaterina O.

Volgograd State University,
Volgograd, Russia
E-mail: katena.belikova.81@mail.ru

Abstract. The article is devoted to analysis of urban security, as well as the capacity of the State and municipalities in establishing a secure city. Wednesday, It analyses the main sociological definitions and approaches to the study of security system of the city. Specifies the socio-economic importance of the system and security organizational relationship with the concept of the functioning and development of cities.

Keywords: city; function; internal security; external security; metropolis.

Относительная стабильность мирового сообщества во второй половине XX в. позволила отнести функцию «безопасность» к менее приоритетным функциям, чем экономическая, политическая, информационная, социокультурная. Хотя события последних десятилетий (террористические акты в России, США, Франции и т. д.) [1; 10; 12; 19] доказали, что именно безопасность остается одной из значимых функций на современном этапе существования человеческой цивилизации, которая на протяжении веков формировалась как городская. Именно поэтому последнее заявление официального представителя Государственного департамента США Дж. Кирби [2] в адрес России о последствиях военных действий в Сирии: сбитых самолетах, потерях в рядах военнослужащих и терактах в российских городах, заставляет задуматься о безопасности вообще и в том числе безопасности современных российских городов. Подобные заявления-угрозы очередной раз поднимают вопрос городской безопасности, ведь за последние десятилетия в городах России не единожды совершались террористические акты в Москве, Волгограде и др. [4; 6; 11; 17]. И города юга России находятся в зоне повышенного риска, так как они первыми оказываются на пути террористических групп.

Выработка оптимальных решений по городской безопасности предполагает обращение как к истории проблемы, так и к современным представле-

ниям о возможных путях поиска ответов на поставленную перед обществом задачу. Обращение к истории вопроса городской безопасности позволит определить: как давно данная задача встала перед властью имущими; какие варианты использовались при решении поставленной проблемы; насколько существовавшие варианты решений могут быть использованы в настоящее время.

Несмотря на то, что города разбросаны в пространственно-временной системе координат и представлены различными модификациями: протогород; города древнего и средневекового мира; капиталистический город; мегаполис, а также западный, восточный и мезоамериканский город; город-государство и город крупной империи; столичные и провинциальные города и пр. При всем разнообразии вариаций городов городскую безопасность следует рассматривать, все же, как первичную функцию, присущую данному типу поселений. Доказательная база первичности функции безопасности содержится уже в этимологии лексемы «город». Исследователи [20, с. 443; 22] истории языка отмечают, что у лексемы «город» праславянские корни, имеющие соответствия в других индоевропейских языках. Значение лексемы «город» – «ограда, огороженное место» характерно для многих языков, относящихся к индоевропейской группе: «О.-с. *gordъ. Старшее знач. – «огороженное место»: И.-е. *ghor-dhor – тж.; база *gher-dh- : *g'her-dh- (корень *gher- : *g'her-) - "охватывать, включать что-л. внутрь, «загораживать». Ср. лит. -gafdas – "огороженное место", "стойло", "загон"; ...; др.-исл. garðr (совр. исл. gardur) - "ограда", "двор", ...; др.-в.-нем gart "крыльцо", ..., "двор", "ограда", ...; др.-англ. gearð (совр. англ. yard) - "ограда", ...; (...) алб. gardh - "изгородь", "ограда", "плетень" ...» [23]; «др.-рус. *городъ* "ограда, забор" и "загон"; лит. gafdas "загородка, плетень"; др.-исл. garctr "изгородь"; гот. gards "двор"; ...; греч. chortos "огороженная площадка", "пастбище"» [22]. Исследователи также отмечают, что первоначально «город» означал «ограду, забор» и лишь позднее появляется новое значение – «огороженное место» [24, с. 81]. Исследователи истории языка подчеркивают, что лексема «urbs» происходит от латинского «urbare – urvare» и означает «очерчивать», «опахивать окрестность» [3, с. 7; 18, с. 11]. Следовательно, история происхождения слова «город»/«urbs» фиксирует потребность в безопасности от внешнего мира: и если в первом случае речь идет об угрозах реального мира, то во втором – от мира потусторонних сил, которые по древнейшим представлениям не могли перейти через четко обозначенную границу, без которой они могли стать опасными для человека [7].

Еще одним доказательством первичности функции безопасности являются данные археологических экспедиций, которые свидетельствуют о том, что значительная часть древних и средневековых городов имели фортификационные сооружения: рвы, насыпи, частоколы, стены [8, с. 239–241; 14, с. 29–33]. Таким образом, данные археологических экспедиций и истории языка позволяют выделить две формы осуществления городской безопасности: физическая безопасность, обеспечиваемая фортификационными сооружениями и ментальная безопасность – определение своего, то есть безо-

пасного для человека пространства, вычлененного из чужого, опасного для горожанина. В лексемах «город» и «urbs» зашифрованы потребность в физической и ментальной безопасности человека.

Фортификационные сооружения характерны для городов-государств древнего мира и городов эпохи феодальной раздробленности. Наличие или отсутствие городских укреплений является показателем слабости или силы государственных образований. Городские укрепления свидетельствовали о недостаточной возможности государства обеспечить безопасность собственным городам от угроз извне. В средневековых источниках зафиксированы представления монголов о том, что «города защищают не укрепления, а сама страна» [13, с. 57]. Сильное государство обеспечивает городам внешнюю безопасность: это и определяет отсутствие внутри страны оборонительных сооружений. Отсутствие городских укреплений, как отмечает Г. А. Федоров-Давыдов, не позволяет усилить центробежные силы, приводящие к феодальной раздробленности. Отсутствие фортификационных укреплений не снимало потребности в ментальной безопасности от потусторонних сил, поэтому незначительные укрепления (ров до 1,5–2 метров или небольшой вал) вокруг городов являлись городской границей, которая из чужого пространства вычленяет собственное пространство [21, с. 43].

Следовательно, фортификационные городские сооружения были направлены на обеспечение безопасности от внешней угрозы как реального, так и потустороннего мира.

Итак, у города, независимо от его местоположения в пространственно-временном континууме, всегда существует потребность в формировании системы безопасности. Подобную безопасность могут обеспечивать либо фортификационные сооружения, либо крепкое государство, которое всей своей мощью гарантирует безопасность своим населенным пунктам. И этот первый уровень безопасности, который на современном этапе, в связи с определенным уровнем развития техники и технологии, может обеспечить лишь государство (да и то, как показывают реалии современного мира – Ирак, Югославия, Ливия – не всегда, а лишь при определенных условиях, в реалиях современного мира – это наличие/отсутствие «ядерного зонтика») [15; 16].

Второй уровень городской безопасности – это внутренняя безопасность населенного пункта. За этот уровень безопасности отвечает городская стража, занимающаяся борьбой с воровством, грабежами и т. п. До тех пор, пока город был обнесен высокими стенами, борьба с преступностью проходила в четко зафиксированном пространстве города. Однако создание сильных государственных образований; развитие как наступательного, так и оборонительного оружия; капитализма позволило западным средневековым городам открыться миру. Капиталистические отношения обусловили рост городов и, как следствие, пополнение рядов горожан: от нищих до богатых купцов и ремесленников. Однако, как отмечает С. Мерсье, «Деревенские подонки становятся городскими», пополняя ряды как городской нищеты, так и преступного элемента [5]. В результате старая схема обеспечения внут-

ренной безопасности города уже не работала столь эффективно как раньше. И если первоначально вопросы внутренней безопасности города сводились к борьбе с воровством, убийствами и т. п., то на современном этапе городская безопасность требует максимально широкого толкования: от безопасного нахождения в пределах городской черты в любое время суток и любой точке населенного пункта до комфортной среды для горожан всех возрастов и психофизических особенностей. Решение данной проблемы возможно только в совместных действиях и органов власти, и населения городов. На современном этапе существуют различные направления по обеспечению системы безопасности в городе, которые можно условно разделить на традиционные (свойственные для разных эпох – патрулирование улиц, охрана правопорядка и т. п.) и современные.

Во-первых, работа органов безопасности, ориентированная на предотвращение противоправных действий со стороны как отдельных граждан, так и бандитских группировок (свойственно традиционным направлениям работы), а также противодействие терроризму (реалии нового времени).

Во-вторых, формирование городских территорий, которые были бы физически приспособлены «для благополучного функционирования и соответствующего существования в качестве городского района» (минимизация городского пространства, находящегося вне зоны контроля как со стороны властных органов, так и со стороны населения – застройка пустырей, достаточная освещенность улиц в темное время суток и т. п.).

В-третьих, безопасность в городе, как справедливо отмечает Дж. Джекобс, обеспечивается не только полицией, но и «сложным, почти бессознательным сообществом добровольного надзора и сдерживания, состоящим из простых людей» [9, с. 5]. Улицы города не должны быть пустынными, они (улицы) должны присматриваться ее естественными хозяевами, коими являются как горожане, проживающие на этих улицах, и пришлые, оказавшиеся на чужих улицах для решения своих проблем. В результате значительного количества присматривающих улица становится более безопасной, так как правонарушители, в большинстве своем, предпочитают совершать противоправные действия без свидетелей – значит, надо увеличить количество присматривающих на улицах городов. Для выполнения данного условия работа городских властей должна быть направлена на создание уличного комфорта, то есть удобных тротуаров, пандусов, скамеек, мест общего пользования, достаточного озеленения, доступных кафе, освещенности в темное время суток и т. п. Реализация данной задачи по увеличению степени безопасности в городе позволит горожанам различных возрастов и психофизических возможностей (людям «третьего возраста», людям с ограниченными возможностями, взрослым с детьми) активнее совершать ежедневные прогулки в публичное пространство города, а значит количество присматривающих за улицей и которые вовремя заметят потенциальную угрозу увеличится.

В-четвертых, обеспечение санитарно-гигиенической безопасности городской территории (своевременный вывоз мусора; уборка улиц; борьба с не-

санкционированными свалками; функционирование мусороперерабатывающих предприятий; своевременная вакцинация населения и т. п.).

Таким образом, на протяжении веков представления о городской безопасности не являлись чем-то неизменным, отражая реалии времени. Так, на начальных этапах становления городов именно фортификационные сооружения и городская стража отвечали за безопасность горожан. Появление крупных государственных образований и изменение ведения военных действий привело к отказу от городских стен, а вся ответственность за городскую безопасность оказалась возложена на государство и органы внутренних дел. На современном этапе городская безопасность является одним из первоочередных дел государственных и муниципальных органов власти, причем последняя (муниципальная власть) должна максимально способствовать созданию уличного комфорта, что привлечет присматривающих в публичное пространство города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адвокаты отказались защищать подозреваемого в организации терактов в Париже // panorama.am. – Режим доступа: <http://www.panorama.am/ru/news/2016/10/12/%D0%90%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%82%D1%8B-%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B-%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B6/1658231> – 2016. – 10 октября.
2. Алкснис, И. Риторика США заставляет вспомнить о дворовых разборках / И. Алкснис // ВЗГЛЯД: деловая газета. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2016/9/29/835392.html> (Дата обращения 10.10.2016).
3. Блаватский, В. Д. Античный город // Античный город : сб. ст. / под ред. А. И. Болтуновой; АН СССР; Ин-т археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 7–30.
4. Бортников: в городах России планировались теракты по «парижскому сценарию» // ТАСС. – Режим доступа : <http://tass.ru/politika/3296447> (Дата обращения 10.10.2016).
5. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: В 3 т. / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – Режим доступа: <http://scibook.net/evropyi-ameriki-istoriya/gorod-prishlyiy-lyud-osobenno-32262.html> (Дата обращения 5.09.2016).
6. В Кисловодске почтили память жертв терактов 2003 года // W-IP.ru - Режим доступа: <http://kislovodsk.w-ip.ru/novosti-kmv/novosti-goroda-kislovodsk/v-kislovodske-pochtili-zhertv-teraktov-2003-goda.html> (Дата обращения 5.09.2016).
7. Гоголь, Н. Вий / Н. Гоголь. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/1070/p.15/index.html> (Дата обращения 1.10.2016).
8. Гуляев, В. И. Города-государства майя = Ciudades estados de los majas: (Структура и функции города в раннеклассовом обществе) / В. И. Гуляев. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
9. Джекобс, Дж. Назначение тротуаров: безопасность / Дж. Джекобс // Логос. – 2008. – № 3 (66). – С. 3–23.
10. Дело об атаке 5 июня в Актобе поступило в суд // Радио Азаттык. – Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/a/28047136.html> (Дата обращения 10.10.2016).
11. Жители Волгограда почтили память жертв теракта в троллейбусе в 2013 году // ТАСС. – Режим доступа: <http://tass.ru/obshchestvo/2565925> (Дата обращения 10.10.2016).
12. Ивашкина, Д. При стрельбе в Иерусалиме пострадали восемь человек / Д. Ивашкина // Комсомольская правда. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/online/news/2534160/> (Дата обращения 11.10.2016).
13. Калан, Э. Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV вв. / Э. Калан. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – 156 с.

14. Маккей, Э. Древнейшая культура долины Инда / Э. Маккей ; пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой; под ред. и с предисловием В. В. Струве. – М.: Иностранная литература, 1951. – 141 с.
15. МИД Белоруссии: Запад виноват в распространении «мегатерроризма» // REGNUM. Информационное агентство. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2185583.html> (Дата обращения 11.10.2016).
16. Орлов, В. А. Стекланный зверинец нераспространения / В. А. Орлов // Россия в глобальной политике. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Steklyanniy-zverinets-nerasprostraneniya-17639> (Дата обращения 11.10.2016).
17. Почтили память жертв террора // Вечерняя Москва. – Режим доступа: <http://vm.ru/news/2016/09/04/pochtili-pamyat-zhertv-terrora-331865.html> (Дата обращения 11.10.2016).
18. Сайко, Э. В. Древнейший город. Природа и генезис: Ближний Восток. IV–II тыс. до н.э. / Рос. акад. наук; Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1996. – 204 с.
19. Сирия: количество жертв теракта в Хасаке возросло до 30 человек // Федеральное агентство новостей. – Режим доступа: <http://riafan.ru/560799-siriya-kolichestvo-zhertv-terakta-v-el-haske-vozgroslo-do-30-chelovek> (Дата обращения 11.10.2016).
20. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. (А–Д) – 576 с.
21. Федоров-Давыдов, Г. Золотоордынские города Поволжья / Г. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 229 с.
22. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Рад. шк., 1989. – Режим доступа: <http://lib.co.ua/dict/cyganenkogp/etimologicheskislovarrusskogo.jsp#0> (Дата обращения 25.07.2014).
23. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П. Я. Черных. – М.: Рус. яз., 1994. – Т. 1: А–Пантомима – С. 207 – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/chernykh_istoriko-etimologicheskyy_slovar_tom1_1999.pdf (Дата обращения 25.07.2014).
24. Шанский, Н. М. Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; под ред. С. Г. Бархударова. – М.: Госучпедгиз, 1961. – 402 с.

УДК 316.3/4

ББК 60.56

РЕАЛИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ

BASIC INTERESTS OF THE RUSSIAN YOUTH AS A SOURCE OF CONFLICTS

УШАМИРСКИЙ Алексей Эдуардович
Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волжский институт экономики, педагогики и права», Волжский, Россия
E-mail: viepp@list.ru

Аннотация. Рассматривается проблема базовых интересов молодежи, к числу которых отнесены: социализация, идентификация и достижение личного жизненного успеха. Подчеркивается, что реализация этих интересов носит индивидуально-прагматический характер и способствует включению молодых людей в конфликты на уровне микросреды.

Ключевые слова: молодежь, интересы молодежи, потребности молодежи, социализация, идентификация, конфликты.

USHAMIRSKIY A. E.

Municipal Budget Educational Institution of Higher Education «Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law», Volzhsky, Russia
E-mail: viepp@list.ru

Abstract. The considering problem of the basic of interests of young people, includes: socialization, identification and the achievement of personal success in life. It is emphasized that the realization of these interests has an individually pragmatic character and promotes the integration of young people in the conflicts on the microenvironment level.

Keywords: young people, interests of the youth, needs of young people, socialization, identification, conflicts.

Проблема формирования и реализации интересов молодежи в теоретическом плане крайне мало исследована в отечественной литературе, несмотря на то, что существуют исследования, посвященные преимущественно их эмпирическому анализу применительно к различным сферам. Однако в большинстве таких работ не предпринимается попытки выявить общие тенденции формирования и практической реализации интересов, без чего нельзя решать проблему их защиты не только в конфликтах, но и в других ситуациях социального взаимодействия.

Между тем интересы молодежи являются исключительно разнообразными, многоуровневыми, нередко противоречащими друг другу. В их структуре предлагается выделить три базовых интереса, обусловленные статусом молодежи как маргинальной группы, находящейся в стадии становления:

- социализация, представляющая собой процесс усвоения ценностей и норм, принятых в обществе;
- идентификация – отождествление себя с каким-либо социальным объектом, обеспечивающее интеграцию в социум и одновременно фиксацию собственного статуса;
- достижение личного жизненного успеха.

Рассматривая проблему интересов молодежи в контексте их влияния на конфликты в молодежной среде, автор находит из нескольких утверждений. Прежде всего, из довольно тривиального заключения о том, что эти интересы детерминированы потребностями, то есть отражают и выражают неудовлетворенность субъекта внешними и внутренними условиями своего существования. Потребности объективны и структурированы; в их структуре выделяются естественные (нужды в еде, жилье), экзистенциальные (в безопасности) и социальные, заданные обществом и отражающие особенности существования в нем человека. Но при этом необходимо учитывать специфику молодежного возраста, выражающуюся, во-первых, в том, что, несмотря на объективный характер потребностей, значительная часть из них, относящаяся преимущественно к низшему уровню (согласно теории А. Маслоу), часто остается неосознанной (неактуализированной) молодыми людьми либо в силу недостаточного опыта, связанного с ним дефицита саморефлексии, юношеской склонности к идеализации реальности, специфики мировосприятия, либо вследствие условий жизнедеятельности. Очевидно, что неосознанная потребность не трансформируется в интерес, порождая противоречие между вызовом, предъявляемым к молодым людям социумом, представители которого понимают значимость потребности, заявляют об этом, но не находят отклика в самой молодежной среде, для которой данная потребность в силу самых различных обстоятельств не актуализирована.

Примером может служить нежелание значительной части молодых людей строго соблюдать законы, выражающееся в так называемом правовом нигилизме. Традиции правового нигилизма в молодежной среде довольно устойчивы. Белгородские авторы, в частности, еще в 2007 году на основании

эмпирических исследований отмечали, что 24,8 % респондентов допускали возможность нарушения закона, если это нужно для достижения поставленных целей. Не допускают ее только 14,6% участников опроса. Большинство молодых белгородцев (53 %) было склонно ориентироваться не на закон, а на обстоятельства, подтверждая тем самым преобладание ситуативного правосознания в молодежной среде [1, с. 43].

Во-вторых, недостаток социального опыта и, как следствие, несформированности собственной жизненной позиции ведет к тому, что часть потребностей задается молодежи извне. При этом у молодых людей могут быть сформированы ощущения неудовлетворенности объектами и процессами, которые объективно не способствуют самоактуализации и саморазвитию нового поколения, но являются желательными для взрослых. В данном случае начинают широко применяться манипулятивные технологии управления молодежным сознанием. Такие технологии стали исключительно эффективными в виртуальном пространстве и реализуются с помощью сетевых сообществ, сила является серьезным фактором социального действия в реальной жизни, проявляющимся посредством «роевого эффекта». Дефицит социального опыта делает молодых людей весьма уязвимыми для манипуляций. Однако уязвимость не означает готовности быть управляемыми. В большинстве случаев молодежь более или менее последовательно сопротивляется скрытому воздействию. И конфликты представляют собой способ освобождения от зависимостей, демонстрации суверенности.

В-третьих, жизнедеятельность детей и молодежи все более смещается в виртуальное пространство, что отражает общую тенденцию виртуализации социума. Российское общество приобретает сетевой характер благодаря развитию новых сетевых технологий. Они становятся все более востребованными, поскольку не только расширяют пространство общения молодежи, но и предоставляют дополнительные возможности для: 1) достижения совместной цели путем кооперации (например, посредством создания групп по интересам внутри социальных сетей); 2) обмена ресурсами (прежде всего, информацией); 3) удовлетворения потребностей за счет накопления ресурсов (например, участвуя в социальной сети можно обзаводиться новыми знакомыми и тем самым удовлетворять потребность в общении).

Виртуализация и связанная с ней симуляция реальности ведут к распространению в молодежной среде феномена играизации, представляющей собой деятельность, лишенную прямой практической целесообразности, «в ней все осуществляется «понарошку», что ее отличает от традиционной игры, которая ориентирована на следование узко прагматическим интересам, соображениям выигрыша, выгоды, пользы» [2, с. 139]. Играизация лишает человеческие потребности их фундированности, замещая их фантомами сознания, легко изменяемыми под влиянием внешних обстоятельств и настроения. Соответственно модифицируются и интересы, при этом скорость модификации зачастую настолько велика, что не позволяет фиксировать их качество методами точных измерений.

В ходе играизации потребности и интересы приобретают символический, условный характер, что способствует как быстрому присвоению, так

и легкому отказу от них, поскольку символы, как правило, не наделяются дополнительными ценностями, не становятся безусловно значимыми, но воспринимаются исключительно в контексте ситуации. Нельзя не учитывать, что в этом случае символизация способствует снижению остроты потенциальных и реальных конфликтов, объекты которых нередко утрачивают свою определенность прежде, чем произойдет эскалация противостояния.

В-четвертых, несмотря на детерминацию интересов потребностями личности, они сохраняют свою относительную самостоятельность. В первую очередь потому, что, как отмечалось выше, интерес предполагает осознание объекта, который позволит устранить ощущение неудовлетворенности. Но это осознание может быть как адекватным, так и неадекватным. Так, потребность в профессиональном образовании может быть реализована легальным путем, но молодой человек может ориентироваться и на коррупционные схемы его получения. И если в первом случае процесс удовлетворения потребности чаще всего не влечет за собой негативных последствий для личности, то во втором изначально предполагает возможность деструкций.

Кроме того, помимо потребностей специфику интересов молодежи определяют принятые в обществе ценности и нормы. Но поскольку существующие в каждый конкретный момент в социуме ценностно-нормативные системы различаются между собой, вариантов определения содержания конкретного интереса может быть довольно много. Неопределенность и неустойчивость молодежного сознания дополнительно стимулирует их плюрализм и противоречивость. В результате при, казалось бы, изначальном совпадении основных потребностей молодежи формируются не совпадающие, а порой и взаимоисключающие друг друга паттерны интересов, которые часто ведут к конфликтам.

В-пятых, особую проблему составляют потребности и интересы, рассматриваемые в обществе как девиантные, в том числе требующие превенции и противодействия. В принципе, молодежь должна быть изначально потенциально девиантна в позитивном значении этого понятия. Позитивная девиация представляет собой поведение, не укладывающееся в существующие нормы, при этом ориентирующееся на более высокие в нравственном и правовом отношении стандарты и образцы. Именно на этой почве формируется позитивный молодежный нон-конформизм, без которого невозможно развитие социума. В данном случае неудовлетворенность существующим обществом в целом или его отдельными структурами выражается в довольно отчетливо сформулированном намерении изменить условия жизни, что и составляет позитивно ориентированный интерес.

Вместе с тем для части молодежи типична аддикция, представляющая собой чрезмерную склонность к чему-либо. Аддиктивное поведение молодых людей, по мнению автора, характеризуется разрушением связи «потребность – интерес», результатом которого является гиперболизация потребности, ее самовоспроизводство, превращение в самоцель безотносительно к объекту удовлетворения. Для многих молодых людей такой вариант развития личности наиболее вероятен, поскольку в юном возрасте, как правило, не сформированы эффективные механизмы самоконтроля личности.

Девииации в сфере потребностей и интересов молодежи являются одним из наиболее значимых источников конфликтов как между самими молодыми людьми, так и между ними и окружением. Безусловно, содержание конфликтов является различным в зависимости от направленности девиации, но в любом случае отклонение от поведенческой нормы содержит в себе предпосылки противостояния с ее носителями.

Рассматривая процесс формирования и реализации базовых интересов молодежи, следует учитывать его крайнюю сложность, противоречивость, во многих отношениях условность, проявляющуюся в высоком уровне зависимости от внешних обстоятельств. Несмотря на это, во всех случаях траектория формирования и реализации интересов молодежи включает в себя универсальные элементы. К ним относятся:

- более или менее отчетливая фиксация потребности сознанием субъекта, превращающая ее в объект внимания. Чем более отчетливой является эта фиксация, тем больше вероятность, что он будет искать способы ее удовлетворения. Молодой человек, как правило, способен захватить конкретную потребность своим сознанием, но в некоторых случаях ему способствуют в этом внешние субъекты:
- атрибуция потребности, заключающаяся в ее значимости, ранга и места в структуре других потребностей личности;
- соотнесение потребности с внешними по отношению к субъекту обстоятельствами (общей социально-экономической ситуацией, конкретными условиями жизнедеятельности, социальными стандартами);
- определение объекта, с помощью которого может быть удовлетворена потребность; именно вследствие данного акта потребность начинает трансформироваться в социальный интерес;
- осуществление конкретных действий, направленных на удовлетворение потребности и – соответственно – реализацию интереса;
- получение результата, либо подкрепляющего и стимулирующего дальнейшие действия, либо ведущие к отказу от них [3, с. 34].

Будучи связанными с фундаментальными потребностями молодых людей, даже если эта взаимосвязь подвергается ими сомнению, интересы в каждом конкретном случае опредмечиваются в ходе ориентации на конкретные объекты. Современная молодежь в своем абсолютном большинстве прагматична, не склонна руководствоваться масштабными ожиданиями и более всего рассчитывает на решение утилитарных проблем.

Именно поэтому социализация воспринимается молодыми людьми как адаптация к существующей системе, демонстрируя высокий уровень приспособления к ней, а также высокий уровень адаптационных возможностей. В частности, проведенное автором исследование «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014 год, n = 1500) показало, что большая часть молодежи (79,87 %) в той или иной мере удовлетворена своей жизнью. Молодежь стремится идентифицировать себя либо с успешными (в ее представлении о престиже и комфорте) группами. В частности, исследование показало, что это в основном:

– группы, олицетворяющие основные тенденции рыночной экономики (банкиры, предприниматели, фермеры); с ними идентифицируют себя 19,36 % молодых людей;

– группы, реализующие себя в сфере массовой культуры и спорта; они являются объектами идентификации для 19,37 % респондентов;

– группы, которые можно отнести к категории управленцев (политики, государственные и муниципальные служащие, работники силовых структур) – 20,75 %.

– группы работников науки и искусства (ученые, люди искусства); с ними себя идентифицируют 18,76 % респондентов.

Жизненный успех воспринимается молодыми людьми в индивидуально-прагматическом плане. Чаще всего, как показывает исследование 2016 года, молодые люди с семейным счастьем (23,53 %) и богатством (21,96 %).

Присущий молодым людям индивидуализм и прагматизм побуждает их жестко отстаивать свои интересы на уровне микросреды, что провоцирует конфликты, которые, впрочем, не распространяются на макроуровень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бабинцев, В. П.* Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования / В. П. Бабинцев, Е. В. Реутов, И. В. Бояринова. – Белгород : Константа, 2007. – 160 с.

2. *Скиннер, Б. Ф.* По ту сторону свободы и достоинства / Б. Ф. Скиннер ; пер. с англ. – М.: Оперант, 2015. – 192 с.

3. *Социология молодежи.* Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. – М.: Academia, 2008. – 608 с.

УДК 316.334.2

ББК 60.5

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ВНЕШНИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА*

THE SOCIAL RELATIONS AND ECONOMIC INTERESTS OF EXTERNAL LABOUR MIGRANTS IN SPACE OF THE MODERN CITY

ВАСИЛЬЕВА Екатерина Николаевна

Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия
E-mail: vasilevaen@yandex.ru

ДАНИЛОВА Елена Олеговна

Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия
E-mail: vorontsova91@mail.ru

VASILEVA Ekaterina N.

Volgograd State University, Volgograd.
Russia
E-mail: vasilevaen@yandex.ru

DANILOVA Elena O.

Volgograd State University, Volgograd.
Russia
E-mail: vorontsova91@mail.ru

© Васильева Е. Н., Данилова Е. О., 2017

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект МК-2659.2014).

Аннотация. Актуальными аспектами для исследования становятся социальные отношения и готовность населения города взаимодействовать с внешними трудовыми мигрантами, положение и экономические интересы внешних трудовых мигрантов в социально-экономическом пространстве города. В работе охарактеризована система взаимных ожиданий внешних трудовых мигрантов и местного населения и их влияние на привлекательность социально-экономического пространства г. Волгограда.

Ключевые слова: социальные отношения, экономические интересы, внешняя трудовая миграция, социально-экономическое пространство города.

Abstract. The social relations and readiness of the population of the city to interact with external labor migrants, situation and economic interests of external labor migrants in social and economic space of the city become urgent aspects for a research. In work the system of mutual expectations of external labor migrants and local population and their influence on appeal of social and economic space of Volgograd is characterized.

Keywords: social relations, economic interests, external labor migration, social and economic space of the city.

Современный город – это пространственный феномен, а социально-экономическое пространство города дуально и именно в таком пространстве внешний трудовой мигрант реализует экономические интересы, формирует социальные отношения, действует в зависимости от габитуса и локальностей. Одним из центров притяжения для внешних трудовых мигрантов выступает гравитационный центр – г. Волгоград. Трудовой потенциал мигрантов становится одним из главных ресурсов г. Волгограда, где мигранты уже сформировали особое социально-экономическое пространство [1].

Социальные отношения зависят от взаимодействия местного населения города и внешних трудовых мигрантов, поэтому на первом этапе авторы провели социологическое исследование и выявили тенденцию роста напряженности, что подтверждают данные анкетного опроса (N = 2068). Использовалась квотная выборка, квотирование по полу и возрасту. Согласно данным исследования, население г. Волгограда проявляет опасения по поводу рабочих мест (табл. 1).

Таблица 1

		Отнимают рабочие места у местного населения					Всего
		Совершенно согласен	Отчасти согласен	Затрудняюсь ответить	Отчасти не согласен	Совершенно не согласен	
Возраст	менее 23	78	93	24	43	30	268
	от 24 до 29	48	72	18	32	24	194
	от 30 до 35	64	84	18	38	48	252
	от 36 до 45	104	120	24	74	60	382
	от 46 до 55	106	90	34	60	60	350
	от 56 до 60	58	68	14	30	28	198
	более 60	146	112	34	52	80	424
Всего		604	634	166	324	330	2068

Однако реальная ситуация не столь критична, так как конкуренция носит более сложный характер и связана с наличием рабочих мест. Конкуренция с местным населением г. Волгограда – это реальная ситуация, но прежде всего внешние трудовые мигранты претендуют на те рабочие места, которые не востребованы у местного населения, что подтверждают данные анкетного опроса (табл. 2).

Анализ исследования показал, что для всех участников взаимодействия возможны преимущества. В социально-экономическом пространстве города внешние трудовые мигранты получают необходимое трудоустройство, материальные выгоды, возможность улучшить условия труда. А местные жители стремятся на более высокооплачиваемую работу и имеют более выгодное положение в связи с городской спецификой. Следовательно, для формирования устойчивых социальных отношений каждый участник взаимодействия стремился уравновесить обмены и затраты (ожидания).

Таблица 2

		Занимают те рабочие места, в которых местное население не заинтересовано					Всего
		Совершенно согласен	Отчасти согласен	Затрудняюсь ответить	Отчасти не согласен	Совершенно не согласен	
Возраст	менее 23	95	110	28	27	8	268
	от 24 до 29	54	86	24	20	10	194
	от 30 до 35	94	86	26	26	20	252
	от 36 до 45	128	150	34	52	18	382
	от 46 до 55	102	156	28	46	18	350
	от 56 до 60	60	84	10	38	6	198
	более 60	154	136	74	38	22	424
Всего		687	808	224	247	102	2068

Так, актер стремится повторять определенный тип поведения с целью вознаграждения, даже если для этого необходимо воссоздать какие-то условия. Но когда присутствует процесс насыщения, актер в меньшей степени готов прилагать усилия для удовлетворения своих потребностей [3]. При этом наблюдается двойственность препятствий:

- со стороны местного населения: неприятие к мигрантам; конкуренция на рынке труда; различие норм и ценностей; ключевую роль, несомненно, играет язык, который является частью культурной системы;

- со стороны внешних трудовых мигрантов: потеря родственных связей; правовая и финансовая неграмотность; культурные различия с местным населением; настороженное отношение к новому месту проживания.

В соответствии с данными тенденциями взаимодействие внешних трудовых мигрантов и местного населения в социально-экономическом пространстве г. Волгограда рассматривается авторами как система обменов и затрат (ожиданий). Анализ исследования позволяет выделить следующее: несмотря на то, что взаимодействие местного населения с внешними трудовыми мигрантами усиливается, это не приводит к улучшению отношений. Тот факт, что порядка трети населения не одобряет наличие в городе мигрантов, по мнению авторов, затрудняет адаптацию прибывших в город и заставляет их предпринимать более активные действия по включению в новую социальную среду. В этих условиях внешнему трудовому мигранту необходимо выработать такие стратегии поведения, которые будут способствовать достижению экономических интересов миграции.

На втором этапе работы было проведено социологическое исследование, которое направлено на описание положения внешних трудовых мигрантов в социально-экономическом пространстве г. Волгограда. Сбор информации осуществлялся методом анкетного опроса (N = 400), использовалась многоступенчатая комбинированная выборка: сочетание метода квот с маршрутной выборкой.

В ходе исследования было выявлено, что внешняя трудовая миграция в социально-экономическом пространстве г. Волгограда становится особенно актуальной при учете геополитического нахождения на перекрестке внешних миграционных потоков. Так, в ходе исследования было выявлено, что основной поток внешних трудовых мигрантов составили граждане Узбекистана, Армении, Казахстана. Менее мощные потоки идут из Азербайджана, Таджикистана, Молдовы, Киргизии. Особенностью миграционных потоков можно назвать их возраст – в основном это трудоспособные граждане 30–35 лет.

Стоимость жилья как индикатор развития социально-экономического пространства г. Волгограда также взаимосвязана с присутствием или отсутствием внешних трудовых мигрантов, наличием определенных локальностей в городе. Исходя из данных положений, авторы считают, что внешние трудовые мигранты выбирают для нового места жительства не только город в целом, а определенные локальности для реализации своей деятельности. Следует заметить, что максимальная доля внешних трудовых мигрантов концентрируется в Волгоградской области (26 %). Высока доля внешних трудовых мигрантов в Дзержинском (16,5 %) и Советском (16 %) районах. Минимальная доля отмечается в Центральном районе (1,5 %). В географическом отношении средняя потребность в рабочих сложилась в остальных районах г. Волгограда: Красноармейский (7,5 %); Кировский (9 %); Ворошиловский (6,3 %); Краснооктябрьский (7,5 %); Тракторозаводский (9,8 %), где размещается большинство строительных, промышленных и торговых объектов.

Было установлено, что внешние трудовые мигранты предпочитают, прежде всего, снимать жилье – 79 % арендуют жилье. Внешние трудовые мигранты приезжают в город, уже имея в нем знакомых или родственников, поэтому динамика свидетельствует о том, что чаще всего трудовые мигранты живут с друзьями или родственниками и очень редко снимают жилье одни. Хотя, бывают и случаи, когда мигрант перемещается, не зная еще, каким точно будет тип его жилья.

В июне 2016 г. средняя стоимость аренды однокомнатной квартиры в городе составила 295,5 рублей за квадратный метр, двухкомнатной квартиры – 265,8 рублей, а аренда трехкомнатной квартиры обойдется в 263,3 рубля за метр [2]. Средняя цена арендной платы зависит от того, в каком районе города находится объект. Самое дорогостоящее жилье в Ворошиловском и Центральном районах города, чем и объясняется настороженное отношение и меньший спрос у внешних трудовых мигрантов. Но не всех пугает данный аспект, и в остальных районах города наблюдается примерно одинаковая стоимость. Следовательно, данный параметр делает г. Волгоград привлекательным для внешних трудовых мигрантов. Это подтверждают и данные анкетного опроса – 64 % респондентов убеждены, что в г. Волгограде достаточно легко арендовать жилье. Несмотря на положительную динамику, 36 % считают, что это сделать достаточно сложно в связи с высокой платой и предвзятым отношением. При этом следует отметить удачное расселение: 46 % едут от дома до работы около 10–30 минут; 26 % респондентов отметили, что на дорогу тратят 5–10 минут; 19 % едут больше 30 минут; 4 % живут на работе; 5 % находятся в поиске работы. Полученные данные позволяют судить о том, что внешние трудовые мигранты расселяются в социально-экономическом пространстве г. Волгограда в зависимости от своих экономических целей – ближе к работе, при этом стремятся найти работу вблизи места жительства.

Интересен и тот факт, что 49 % внешних трудовых мигрантов приехали на заработки одни. Привезли с собой брата или сестру 21 % приезжих, 20 % приехали с супругами и 5 % с родителями. У многих опрошенных есть дети,

однако лишь небольшая часть (4,5 %) решилась привезти их в г. Волгоград. Решение взять детей обусловлено разными причинами: уверенностью в завтрашнем дне, условиями в новом социально-экономическом пространстве города, а также возможностью оставить ребенка с родственниками.

Следует обратить внимание на то, что чаще всего те, кто социально связан с мигрантами, увеличивают вероятность своего перемещения [4]. Так в социально-экономическом пространстве возникают миграционные сети, которые соединяют мигрантов посредством отношений родства, дружбы и общего социального происхождения [5]. Наличие связи с тем, кто мигрировал, увеличивает вероятность того, что люди могут использовать социальный капитал для получения доступа к экономическому капиталу.

Результаты исследования показали, что более половины всех внешних трудовых мигрантов приезжают в г. Волгоград в поисках работы, с целью улучшить условия жизни. В связи с этим достижение экономических интересов – первостепенная потребность, и на удовлетворение этой потребности направлена деятельность внешнего трудового мигранта. Основными сферами деятельности, в которых работают иностранные граждане, являются: сфера услуг, строительство, оптовая и розничная торговля, обрабатывающие производства, транспорт и связь, сельское и лесное хозяйство и другие. По мнению 17 % опрошенных, в г. Волгограде довольно сложно устроиться на работу, и это в особенности касается работы с достойным уровнем оплаты труда. При этом 83 % отмечают, что относительно легко найти и устроиться на работу. В целом 72 % респондентов отметили, что сложности, связанные с поиском работы, могут помочь преодолеть друзья или родственники, но 23 % убеждены, что могут рассчитывать только на себя. Однако 4 % доверяют Центру занятости и только 1 % отдает предпочтение диаспоре. Таким образом, внешние трудовые мигранты ориентируются, прежде всего, на помощь в трудоустройстве со стороны близких и друзей.

Таким образом, можно сделать вывод, что субъективные факторы привлекательности социально-экономического пространства г. Волгограда отражаются в характере взаимных ожиданий местного населения города и внешних трудовых мигрантов. Местное население ожидает, что внешние трудовые мигранты будут занимать те рабочие места, которые им самим не интересны. Внешние трудовые мигранты осуществляют поиск работы через социальные сети с привлечением социального капитала. Такие субъективные факторы, как неформальные взаимодействия (с родственниками, знакомыми, общественными организациями) оказывают решающее влияние на решение о миграции в конкретное социально-экономическое пространство и облегчают адаптацию к нему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильева, Е. Н. Социально-экономическая активность мигрантов в пространстве города Волгограда и Волгоградской области / Е. Н. Васильева Е. О. Данилова // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 7 (167) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 21). – С. 62–65.

2. Средняя цена аренды квадратного метра жилья в Волгограде / Волгоградское деловое телевидение. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. (1 файл). – Режим доступа: <http://vd-tv.ru/content/srednyaya-cena-arendy-kvadratnogo-metra-zhilya-v-volgograde-2972-rublya>
3. Homans, G. C. Fundamental social processes / In N. J. Smelser (Ed.): Sociology : An introduction (2nd ed.) / G. C. Homans. – New York: John Wiley. – 1973. – 310 p.
4. Loury, G. A. Dynamic theory of racial income differences [Text] / G. A. Loury, / Eds. P. Wallace, A. La Mond // Women, minorities, and employment discrimination. – Lexington, Mass: D. C. Heath & Company, 1977. – P. 153–186.
5. Palloni, A. Social capital and international migration: a test using information on family networks [Text] / A. Palloni, D. Massey // The American Journal of Sociology. – 2001. – № 106. – P. 1262–1298.

УДК 930(497.2)

ББК ТЗ(4Бол), 01

РАССКАЗ ПАИСИЯ ХИЛЕНДАРСКОГО О ХРИСТИАНИЗАЦИИ БОЛГАРИИ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

PAISIY HILENDARSKI'S STORY ABOUT THE CHRISTIANIZATION OF BULGARIA AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

РАШЕВА Ивета

Болгарская Академия наук
(Республика Болгария).
E-mail: ivkira_2001@yahoo.fr

RASHEVA Iveta

Bulgarian Academy of Sciences
(Bulgaria).
E-mail: ivkira_2001@yahoo.fr

Аннотация. В статье представлен анализ исторических трудов о христианизации Болгарии, миссии святого Мефодия по обращению в христианство Болгарии.

Ключевые слова: Болгария, христианство, Паисий Хилендарский, Мефодий, Кирилл, христианизация, Димитрий Ростовский, историография.

Abstract. The article presents an analysis of the historical works of the Christianization of Bulgaria, the mission of Saint Methodius by conversion to Christianity Bulgaria.

Keywords: Bulgaria, Christianity, Paisiy Hilendarskiy, Methodius, Cyril, christianization, Dimitry Rostovskiy, historiography.

История принятия христианства болгарскими народами часто встречается не только в болгарских, но и в иностранных средневековых текстах. Акт присоединения болгар к Восточной христианской церкви как нарратив появился в западных исторических сочинениях еще в IX в. В XIV–XVI вв. это событие снова присутствует в текстах многих хронистов. В более поздней историографии оно отразилось в сочинениях Мавро Орбини, Шарля Дюканжа, Иосифа Ассемани и др. В болгарской историографии XVIII в. тема христианизации получила отражение в «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского. Полный текст Паисия был опубликован в 1914 г. [1]. Работа Паисия была рассмотрена в многочисленных исследованиях болгарских историков, лингвистов, писателей, философов, социологов и педагогов. Это потребовало создания библиографического каталога, который был опубликован в 2003 г. и включает в себя 1279 трудов [2]. Цель настоящего исследования – рассмотреть одну часть культурного аспекта сочинения Паисия, а именно функцию анахронизмов в сведениях о принятии нашими предками христианства из

главы «О учителях словенских», которая имеет политический смысл и множество более поздних проекций.

В славянских, латинских и греческих литературных памятниках, посвященных теме принятия христианства болгарами, чехами, моравами и поляками, очень часто встречаются анахронизмы, касающиеся Кирилла и Мефодия как непосредственных проводников христианства. Таким образом, Паисий далеко не первый, кто использовал авторитет славянских первоучителей в патриотических целях. В настоящем исследовании не затрагивается вопрос, как интерпретирован и в каких именно староболгарских литературных памятниках представлен акт принятия христианства в Болгарии в IX в. Мы лишь перечислим некоторые источники, использованные Паисием: Пространные жития Кирилла и Мефодия, известные как «Паннонские легенды»; сочинение «О письменах» Черноризца Храбра; «Сказание о письменах» Константина Костенечского; «Успение Кириллово», «Солунская легенда», Проложное житие Константина Кирилла Философа; Пространное житие Климента Охридского, сочиненное Феофилактом Охридским; «Историография» Мавро Орбини; «Деяния церковные и гражданские» Цезаря Барония; Синодик Борила; Краткое житие Климента Охридского Димитрия Хоматиана; Проложное житие Мефодия; Второе староболгарское житие Наума Охридского; «Жития святых» Димитрия Ростовского; Хилендарское сказание о переводе Священного писания и пр. Информацию для авторов, рассматривающих источники Паисия, можно найти в библиографическом каталоге И. Тодорова. Среди них Б. Пенев, Б. Ангелов, В. Велчев, Н. Драгова, Д. Чешмеджиев, К. Иванова. Не затрагивая вопрос о том, какие списки использовал Паисий, мы рассмотрим, какое отражение нашли эти источники в главе «О учителях словенских» «Истории славяноболгарской». В рассматриваемом тексте Паисий говорит о том, что Мефодий обратил болгар и славян в христианство, а Кирилл составил для них алфавит. В большинстве апокрифических текстов христианизация болгар – заслуга одного Кирилла, в некоторых текстах – это общее дело двух братьев, у Паисия – только Мефодия. Единственный староболгарский источник Паисия, в котором царь Борис назван «духовным чадом» святого Мефодия, – это Пространное житие Климента Охридского, написанное Феофилактом. Этот факт был выделен и Е. Н. Прижимовой [3]. Она отметила, что Паисий руководствовался либо легендой о Мефодии Зографе, либо сочинением Феофилакта. Также Е. Н. Прижимовой отмечена и гипотеза Д. Петкановой-Тотевой, которая считала, что Паисий, начав составлять главу о славянских учителях, вдруг подумал, что Мефодий – не случайная личность, а сам моравский епископ [4]. В настоящем исследовании я не затрагиваю вопрос о крещении болгар в болгарской историографии XVIII в., об этом моя статья «Концептът за участието на първоучителите св. Кирил и св. Методий в българското покръстване във възрожденската ни историография».

Большинство исследователей «Истории славяноболгарской», среди которых такие ученые, как Б. Ангелов [5] и В. Велчев [6], утверждают, что Паисий был знаком с сочинением Димитрия Ростовского, и мы не будем ставить

этот факт под сомнение в настоящем исследовании. Если Паисию действительно были известны «Жития святых» Димитрия Ростовского, то становится понятно, почему он считал, что святой Мефодий и изограф Мефодий одно и то же лицо. Паисий Хилендарский завершил свою Историю в 1762 г., к этому времени житийный сборник Димитрия Ростовского уже дважды издавался и был доступен для использования. «Четьи Минеи» Димитрия Ростовского отчасти составлены по «Великим Четьям Минеям» митрополита Макария, отчасти по «Acta Sanctorum» болландистов. Материалом для сборника также послужили переведенные с греческого жития святых Симеона Метафраста, сборники житий русских святых и различные Синаксари. Интересно, что Симеон Метафраст утверждал, что изограф Мефодий, создавший для Бориса после его обращения в христианство изображение Страшного суда, являлся братом Константина Кирилла Философа. У митрополита Макария в житии святых первоучителей (на 6 апреля) такое отождествление отсутствует. В свою очередь, это может служить подтверждением того, что Димитрий Ростовский дополнял жития греческими и латинскими источниками (среди последних известен только «Acta Sanctorum»). Можно предположить, что идею отождествления святого Мефодия с монахом-живописцем Паисий заимствовал у Димитрия Ростовского. При сравнении текстов можно увидеть, что это только идея. По мнению ростовского митрополита, Борис, уверовав в силу христианства благодаря своей сестре и вымоленной помощи его стране, попросил прислать наставника из Царьграда. В качестве такого наставника в Болгарию приехал сам святой Мефодий, чтобы завершить чудо своим художественным произведением и дать миру новых обращенных в христианство язычников. Следует уточнить, что в рассказе о принятии христианства из основной части «Истории славяноболгарской» анахронизм, касающийся роли святого Мефодия, отсутствует. Можно предположить, что Паисий, познакомившись с сочинением Димитрия Ростовского, решил авторизовать событие позже и поэтому развил эту идею в отдельной главе «О учителях словенских».

«За славянските учители» – «История славянобългарска» Паисия Хилендарского «Във времето, когато в България царувал Муртагон, Методий дошъл в Търново, понеже тогава цар Муртагон поискал иконописец да му изпише дворците. Методий познавал това дело. Повече дошъл за това, за да може да научи и привлече българите към християнската вяра. Когато цар Муртагон му заповядал да нарисова в онзи дворец животни, птици и картини на лов, свети Методий изобрази пришествието Хри-	«Жизнь и труды преподобных отцов наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских» Димитрия Ростовского «Борис или Богорис, царь болгарский, после войны с греками пожелал принять христианскую веру. Сестра Бориса, за несколько лет пред этим бывшая в плену в Царьграде, возвратилась в Болгарию христианкою и старалась убедить брата принять ту же веру. Он долго не соглашался; но голод и смертоносная язва
---	---

стово много умело и страшно. Когато видял тая картина, царят се изплашил и изпаднал в чувство на умиление. Тогава Мефодий улучил удобно време, говорил на царя, поучавал го да приеме християнската вяра и обърнал Муртагона към нея. Изпратил до царица Теодора и дошъл от Цариград епископ, изпратен от царицата, и кръстил цар Муртагона, нарекли му име Михаил...» [7].	опустошили его государство. Тогда он по совету сестры обратился с молитвою к христианскому Богу и бедствия прекратились. Борис послал в Царьград просить наставников. Мефодий предпринял путешествие в Болгарию. Он изобразил на стене царской палаты страшный суд и объяснил царю блаженство праведников и муки грешников. Царь, уже приготовленный словами и примером сестры и чудесным прекращением бедствий, принял христианскую веру. Это было в 860 или в 861 г. Крещение всей Болгарии последовало в 869 г.» [8].
--	---

Совпадение имен художника и первоучителя Мефодия и отождествление славянского первоучителя с изографом Мефодием у Димитрия Ростовского полностью устраивали Паисия. В тексте русского автора святого Мефодия в Болгарию отправил сам византийский император в ответ на просьбу царя Бориса о духовном наставничестве. Паисий не повторил эту подробность, а приукрасил историю. Легенда об одинаковом имени, которую рассказали М. Орбини и Ц. Бароний (она им была известна из Хроники Продолжателя Феофана и Хроники Псевдо-Симеона X в.), и совпадение имен у ростовского митрополита – удобный повод для того, чтобы Мефодий Паисия «оказался» в Тырнове. По мнению автора, Мефодий согласился привлечь болгар к христианской вере. Ошибочное использование топонима «Тырново» также не случайно. Паисий знал, что Тырновград построен в период царствования династии Асенов. Однако после многолетнего рабства, во второй половине XVIII в., если у его современников и были живые воспоминания о славном прошлом, то они обязательно были связаны с Тырново, а не с Плиской или Преславом – древними столицами Болгарии, которые были уже давно забыты. Паисий подчеркнул, что болгары приняли христианство, потому что Мефодий говорил с ними на болгарском языке. Таким образом, он продолжил важную полемическую тему, присутствующую в творчестве староболгарских авторов Золотого века, тему защиты славянской письменности от трехязычной догмы и права славян понимать и восславлять Бога на своем языке.

Как уже было сказано, культ святых Кирилла и Мефодия в Болгарии возник еще в X в. В староболгарской литературе их образы косвенно связаны с народным самосознанием, и необходимостью утвердить авторитет всего славянского населения, обращенного в христианство, и государства, сохранившего письменность. С XI по XIII вв. роль Кирилла и Мефодия снова стала фундаментальной, их образы снова связаны с народным самосознанием потому что сохранить целостность народа (Болгария была под византий-

ской властью) означало защитить их дело. Болгарские исторические сочинения периода Возрождения второй половины XVIII и первой половины XIX вв., по мнению А. Бурмова, также «ставят целью укрепить самосознание создающейся тогда болгарской нации; в них существует преднамеренное желание прославить любой ценой величие болгарского народа в прошлом» [9]. Примеры из истории, в частности деятельность святых первоучителей в романтическом ореоле, направлены на укрепление национального самосознания и имеют политическую окраску. С 1762 по 1875 г. упомянутый анахронизм Паисия нашел свое место в произведениях шести авторов в трех вариантах. Спиридон Палаузов и Любен Каравелов считали, что именно святой Мефодий обратил болгар в христианство; в произведениях иеромонаха Спиридона и Марина Дринова болгар обратил в христианство святой Кирилл; а в сочинениях Георгия Раковского и Тодора Бурмова болгары приняли христианство через обоих святых Кирилла и Мефодия. Бесспорно, для историографии болгарского Возрождения, вплоть до освобождения от власти турок, целостность народа также зависела от авторитета Кирилла и Мефодия и от гордости за их великое дело.

«История славяноболгарская» открыла целую эпоху в современной болгарской историографии, обозначив взаимодействие между существующей самобытной национальной историографической традицией и достижениями зарубежной историографии, связанной с исследованием болгарского прошлого. Средневековая история Болгарии в контексте истории Византии рассматривалась в сочинениях немецкого византиниста Йохана Левенклавиуса, французского византиниста Шарля Дюканжа и др. Особенно важное значение имеют исторические сочинения «Деяния церковные и гражданские» Цезаря Барония и «Книга Историография» Мавро Орбини, изданные в переводе на русский язык в 1719 г. и 1722 г. Именно в этих переводах они были доступны болгарским авторам.

После успешных войн против Османской империи болгары и их история стали объектом исследования русского славяноведения, которое выделилось как отдельная научная дисциплина в Академии наук. Первые русские славяноведы следовали идеям панславизма, провозглашенным еще хорватом Юрием Крижаничем. В 1811 г. в Московском университете была открыта кафедра славянской словесности. Многие ученые объединились в так называемом Румянцевском кружке, который занимался письменностью балканских славян. После 1835 г. кафедры славяноведения открылись в четырех университетах: в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове и Казани. В конце 30-х гг. XIX в. в основном в трудах М.П. Погодина развивались идеи превосходства славян над «западными людьми». Юбилейная дата – 1863 г. стала одним из важнейших информационных поводов для написания новых критических исследований и публикаций разного рода источников по кирилло-мефодиевской проблематике. При всей многочисленности трудов по кирилло-мефодиевской проблематике в России явно не хватало единого, цельного свода источников по истории жизни и просветительской деятельности славянских первоучителей. Первый подобный труд создал О. М. Бо-

дьянский (1808–1877). Памятники, собранные и представленные в сборнике «Кирилл и Мефодий», ученый разделил на три отдела в соответствии с тремя языками, на которых они были составлены: памятники на славянском языке, памятники на греческом языке, памятники на латинском языке.

В настоящем исследовании мы рассмотрим несколько примеров из трудов русских историков с начала XIX в. и до освобождения Болгарии, демонстрирующих интерес к анахронизму в рассказе о христианизации Болгарии святым Мефодием. Эта оговорка позволит нам не привлекать труды таких выдающихся болгароведов и кирилло-мефодиеведов, как К. Ф. Калайдович (1792–1832), О. М. Бодянский (1808–1877), В. И. Григорович (1815–1876) и других, потому что в их сочинениях мы не нашли интересующего нас рассказа. Кроме того, для нашего исследования необходимы те труды, которые были доступны болгарским историкам.

Убедительные доказательства того, что тема крещения Бориса и болгар, совершенного святым Мефодием, занимала русских историков и они обсуждали ее, находим в «Славянском сборнике» 1845 г. у Н. В. Савельева-Ростиславича: «Обращение болгар к христианству все писатели согласно относят к половине IX века. Писатели различно думают о том, что было побудительною причиною к принятию веры: по одним Михаил был убежден сестрою, уверовавшею во время пребывания ее в Константинополе, по другим, вследствие чрезвычайного действия на его душу изображения будущих мучений» [10].

В 1830 г. Академия наук в Санкт-Петербурге отправила в Болгарию Юрия Венелина (1802–1839), слависта украинского происхождения, имевшего академическое образование. Он посетил несколько болгарских городов и записал ряд народных песен и сказаний. Очерк «Критические исследования истории болгар» [11], изданный в 1849 г., превратился в настольную книгу для многих болгарских историков времени Возрождения. Ю. Венелин также был сторонником теории о том, что святой Мефодий обратил Бориса в христианство: «Мефодий же неутомимый поборник блага... Занимая место Королевского живописца, он подлинно был духовником сестры Короля... был и правою рукою Короля в предначертываемом им преобразовании... Из уст его получал Борис наставления и просвещение, от рук его принял крещение и миропомазание...».

Эта теория нашла отражение и в современном ей историографическом исследовании Спиридона Палаузова (1818–1872), который известен в науке как русский историк, хотя он был сыном эмигрировавшего в Одессу выходца из Габрово Николая Палаузова. Его монография «Век болгарского царя Симеона» вышла в 1852 г. в Санкт-Петербурге, и в ней присутствует интересующий нас анахронизм. В этом очерке немало внимания уделено царствованию Бориса-Михаила (852–889). Рассмотрим фрагмент текста, в котором можно проследить интересующее нас событие: «Още по времето на управлението на императрица Теодора се водели преговори с цариградския двор, който искал да откупи знаменития монах Теодор Куфара. Борис приел предложението, но не взел откуп, а пожелал размяна. Сестрата на Борис,

името на която за съжаление си остава неизвестно, тридесет години преди това, т.е. в 815 г., при царуването на Лъв Арменец, била взета в плен. Отведена в Цариград още като дете, тя била възпитана в двора в правилата на православие. Може да се допусне с голяма вероятност, че монахът Куфара пръв е разколебал езичеството на Борис, а сестрата на последния, върнала се в България, окончателно подействувала на брат си, още повече, че в своето семейство Борис имал ежедневен пример на благочестив живот. Но повече от всичко на Борис въздействувал св. Методий, по-големият брат на св. Кирил» [12].

Как видим, С. Палаузов не ставит под съмнение пряко участие святогo Мефодия в обращение в християнство Бориса, хотя не рассказывает легенду о зрелище Страшного суда, которое произвело большое впечатление на царя-язычника.

Спустя десять лет тот же анахронизм был интерпретирован М. П. Погодиным (1800–1875) в речи, произнесенной в 1863 г. в День первоучителей: «Св. Кирилл и Мефодий перевели Священное писание не для Моравов, следовательно не в 862 году... Прочитав Моравскую легенду и Шафарика, я заключаю, что перевод Евангелия и книг богослужебных был у них уже непременно готов и до Болгарии, до крещения Борисова, точно как и до Моравии. Мне кажется ясно, что крещение Борисово было прежде посольства Ростиславова, а могли Св. братья заехать по пути к Борису, заботясь об утверждении его в Христианстве... Кирилл и Мефодий, первые истинные панслависты, они должны быть символом Славянского общего обновления. Славянский язык, их наследие, должен быть средоточием, связью всех славянских племен, основанием их единства, условием их наследия, ...средством возбуждения к новой жизни, источником спасения и освобождения от всякого ига, вещественного и духовного, турецкого и немецкого» [13].

В том же юбилейном 1863 г. архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) (1805–1866) произнес речь «Кирилл и Мефодий, славянские просветители», в которой утверждал, что святой Мефодий обратил в христианство Бориса, причем даже указал источники: «Мефодий успел произвести перемену в Болгарском Царе Борисе, так что не только сам принял крещение, но и решился бороться с языческим упорством своего народа... Император Константин и Кедрин приписывают это Греческому иноку Мефодию и, не называя его братом Константина, приближают дело Мефодия в Болгарии к 861 году... В житие Климента сказано, что Мефодий сделал учеником своим Болгарского владетеля Бориса» [14].

Пять лет спустя выдающийся русский болгаровед А. Гильфердинг (1831–1872) издал «Историю сербов и болгар». В ней он упомянул изданное им ранее «Успение святого Кирилла Философа», в котором указано любопытное известие из «одного болгарского жития», относящегося к XIV в. Житие это было открыто незадолго до того в Софии, и, по утверждению А. Гильфердинга, мэр София предоставил ему копию с содействия С. Филаретова. Рассказ А. Гильфердинга включает весь анахронизм: «Этот Богорис или Борис, носивший также славянское имя Радивоя, стал уже внимать

Феодору Куфаре, находившемся в плену у Болгар, а потом, когда императрица Феодора, стараясь об освобождении Куфары, для обмена возвратила в Болгарию Борисову сестру..., воспитана при дворе в Цариграде, для обмена это влияние еще более усилилось... Наставником его в христианской вере был монах Мефодий: так показывают единогласно памятники греческие и славянские, и последние свидетельствуют, что Мефодий этот был именно великий Солунский учитель, брат Кирилла... По греческим летописцам, Борис сам, еще до своего крещения, призвал к себе Мефодия. Борис был страстный охотник и велел Мефодию украсить домик, где он часто останавливался во время ловли. Мефодий же, вместо зверей и птиц, написал ему картину Страшного Суда, которая так поразила Бориса, что он решился спасти свою душу от огня вечного. Посетил ли Болгарию и брат Мефодия, Константин, об этом нет верного известия, но иначе быть не могло... Во всяком случае, основание христианства в Болгарии было делом Славянских просветителей... Мефодий нарек Бориса своим духовным чадом, Мефодий был наставником Болгарского народа в богопочитании и православной вере...» [15].

По случаю 1000-летия успения святого Кирилла 14 февраля 1869 г. А. Гильфердинг сообщил перед Санкт-Петербургским славянским благотворительным обществом, что открыл «Историю во кратце о болгарском народе словенском», написанную иеромонахом Спиридоном в 1792 г. В отличие от Паисия Спиридон не рассказывал анахронизм об обращении Бориса в христианство святым Мефодием. Он ссылался на Цезаря Барония и Евфимиеву летопись XIV в., к существованию которой сегодняшняя историческая наука относится весьма скептически. Иеромонах Спиридон назвал Царьград местом обращения Бориса в христианство и подчеркнул непосредственное апостольское участие святого Кирилла в этом деле: «После похода в Армению Борис принял христианство в Царьграде, там еще приняла христианство болгарская армия из 53 000 солдат, и в этом деле участвовал святой Кирилл» [16]. А. Гильфердинг издал статью под названием «Празднование тысячелетия кончины Свв. Кирилла и Мефодия» в газете «Голос» (№ 69/1869) [17], в которой, ссылаясь на утверждения иеромонаха Спиридона и на его сведения из летописи святого Евфимия Тырновского, еще раз подтвердил свой тезис о болгарском происхождении Кирилла и Мефодия и то, что святой Кирилл был отправлен императором в Тырново обратить болгар в христианство и составить им письменность. Автор заблуждался, в это время Тырново не было болгарской столицей, однако его статья вызвала большой интерес в славянофильских кругах.

Два года спустя из печати вышел «Краткий очерк истории православных церквей» Е. Е. Голубинского (1834–1912). В этом очерке он составил самый полный перечень всех источников, в которых содержится анахронизм в рассказе о миссии святого Мефодия по обращению в христианство болгар. Е. Е. Голубинский рассмотрел и проанализировал сведения девяти греческих авторов: Никиты Пафлагона, Продолжателя Амартала, Симеона Логофета, Продолжателя Феофана, Льва Грамматика, Скилицы, Кедрина, Зонары, архиепископа Феофилакта, а также сведения из трех западных хроник: Бер-

тинских, Фульдских и Ксантенских анналов. Именно в очерке Е. Е. Голубинского приводится единственное историографически подкрепленное фактами заключение, в котором анахронизм опровергается: «Древних сказателей, повествующих о крещении болгарского государя, мы имеем с излишком... в этом множестве сказателей весьма мало достоверных... Вопреки почти общепринятому мнению, Константин и Мефодий не принимали никакого участия в обращении болгар к христианству, ни оба вместе, ни который-нибудь в отдельности... Равным образом, и рассказ о том, будто Борис решился принять христианство, быв поражен зрелищем написанной для него картины Страшного суда, хотя бы даже написавшего картину живописца Мефодия и не считать за Мефодия брата Константинова, должен быть признаваем не более как за позднейший вымысел, принадлежащий тому самому византийцу, который первый его сообщает – Симеон Логофет... Борис был в решимости принять христианство не внешнею проповедью каких-нибудь проповедников, а собственным сознанием необходимости этого дела» [18].

Таким образом, в большинстве трудов русских историков XIX в., несмотря на преобладание научных методов в изучении проблемы христианизации Болгарии, продолжалась популяризация анахронизма. Значение этих трудов связано не только с идеями панславизма в истории православной церкви, но и с той исторической эпохой пробуждения болгарской нации, когда анахронизм, касающийся миссии святого Мефодия по обращению в христианство Болгарии, снова приобрел политическую окраску. Очерки, не связанные с рассказами Паисия и Димитрия Ростовского, косвенно помогли принять романтические идеи о роли святого Мефодия в христианизации болгар.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Иванов, Й.* История славяноболгарская, собрана и нареждена Паисием иеромонахом / Й. Иванов. – София, 1914.
2. *Тодоров, И.* Паисий Хилендарски. Анотиран библиографски указател / И. Тодоров. – София, 2003.
3. *Прижимова, Е. Н.* Кирилло-Мефодиевский вопрос в болгарской историографии второй половины XVIII в. / Е. Н. Прижимова // Советское славяноведение. – 1974. – № 3. – С. 29–40.
4. *Петканова, Д.* Кирил и Методий в някои легендарни книжовни паметници / Д. Петканова // Константин Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му. – София, 1969. – С. 75–49.
5. *Ангелов, Б.* Паисий Хилендарски / Б. Ангелов. – София, 1985. – С. 83–105.
6. *Велчев, В.* Отец Паисий Хилендарски и Цезар Бароний. Принос към изследване изворите на Паисиевата история / В. Велчев. – София, 1943. – С. 60–101.
7. *Паисий Хилендарски.* История славяноболгарска / Паисий Хилендарски. – София, 2002. – С. 94–101.
8. *Димитрий Ростовский.* Жития святых / Димитрий Ростовский. – М., 2006. – Кн. 3. – С. 430.
9. *Бурмов, А.* Марин Дринов като историк на България / А. Бурмов // Изследвания в чест на М. Дринов. – София, 1960. – С. 108.
10. *Савельев-Ростиславич, Н. В.* Славянский сборник / Н. В. Савельев-Ростиславич. – СПб., 1845. – С. 306.
11. *Венелин, Ю.* Критические исследования истории болгар / Ю. Венелин. – М., 1849. – С. 123–124.

12. Палаузов, С. Избранные творения / С. Палаузов. – София, 1974. – Т. 1. – С. 105.
13. Погодин М. П. Речь, произнесенная в заседании московского общества любителей российской словесности председателем Погодиным, 11 Мая 1863 года, в память о св. Кирилле и Мефодии / М. П. Погодин // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. – М., 1865. – С. 95–110.
14. Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. Кирилл и Мефодий, славянские просветители / Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. – М., 1865. – С. 110–121.
15. Гильфердинг, А. Собрание сочинений / А. Гильфердинг. – СПб., 1868. – Т. 1. – С. 48–55.
16. Габровски, С. История во кратце о болгарском народе словенском / С. Габровски. – София, 1900. – С. 18.
17. Дилевски, Н. Църковен вестник / Н. Дилевски. – 1992. – № 12. – С. 6.
18. Голубинский, Е. Краткий очерк истории православных церквей / Е. Голубинский. – М., 1871. – С. 22–23, 238.

УДК 93(Р)
ББК 63.3

**«ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ, СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ»
(русские на постсоветском пространстве)**

**AMONG ITS WRONG, ITS AMONG STRANGERS»
(russians in the former soviet union)**

ПЕТРОВА Ирина Александровна

Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия
E-mail: vip@sprint-v.com.ru

КИБАСОВА Галина Петровна

Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, Россия
E-mail: galina-kibasova@yandex.ru

Аннотация. Миграционные процессы на постсоветском пространстве активно продолжают, что требует вернуться к осмыслению распада СССР, последствиям этого события для русского этноса и его самосознания.

Ключевые слова: распад СССР, этническое самосознание русских, этническое пространство, политическое пространство, постсоветское пространство.

PETROVA Irina A.

Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia
E-mail: vip@sprint-v.com.ru

KIBASOVA Galina P.

Volgograd State University,
Volgograd, Russia
E-mail: katena.belikova.81@mail.ru

Abstract. Migration processes in the post-Soviet space actively continuing that requires a return to understanding the collapse of the USSR, the consequences of this event for the Russian ethnos and its identity.

Keywords: the collapse of the Soviet Union, the ethnic identity of the Russian ethnic space, political space, post-Soviet space.

«Какая же ты мать,
Когда и мачеха бесчеловечно злая
Не станет пасынка так беспощадно гнать,
Как ты детей своих...»

Ф. И. Шаляпин. Душа и маска. 1932 г.

В 1991 г. относительно мирно с географической карты исчезли Советский Союз, а за ним и лагерь социализма. Эта относительная «мирность» вызвала волну «умилений» и «восторгов» политологов, журналистов, политиков.

Глядя на эти события с высоты 25-летней истории, удивляешься такой исторической близорукости, ведь этносоциальные последствия могут вызревать достаточно долго, не проявляя себя в острой форме. В последующие годы СМИ стали говорить не о территории бывшего СССР, а сразу же ввели в обиход понятие «постсоветское пространство», тем самым, очевидно, не осознавая, приоткрыв всю глубину социальной катастрофы, произошедшей 25 лет назад. И нужно было дождаться крайне острой формы ее проявления (например, как в современной Украине), чтобы вновь и вновь вернуться к переосмыслению событий 1991 г., а главное к осмыслению последствий этих событий для русского этноса.

У Чарли Чаплина есть фильм «Пилигрим» (1935 г.), который заканчивается следующей сценой: бродяга идет по границе, одна нога – в Мексике, другая – в США. Он чужой (лат. peregrinus – чужеземец) и там, и там, ему нигде нет места. Он вообще потерялся и не знает, где его место. Нечто похожее происходит и с русскими в постсоветском времени-пространстве. Русские в последние десятилетия существуют как чаплинский пилигрим: одна нога – на Украине, а другая – в России, одна нога – в Казахстане, а другая... и т. д. Где же наша территория этническая, когда разорвали территорию политическую? Разве не достойны Ч. Чаплина сюжеты, когда постсоветские политические границы перекроили деревни, кладбища, развели родственников по разным государствам, когда жениха белоруса сажают в тюрьму за то, что он пытался попасть на собственную свадьбу к русской невесте, но в соседнюю украинскую деревню.

Создание СНГ породило множество проблем, но самой острой является проблема русских. В сложившейся на территории бывшей Российской империи, а теперь уже и бывшего СССР, системе национальных государств, русские сегодня выступают как народ безгосударственный и находящийся в состоянии острого кризиса своей национально-исторической идентичности [1]. Само обособление Российской Федерации не решило вопроса ни для миллионов русских, в течение нескольких дней ставших иностранцами на своей многовековой родине, ни для русских, проживающих в России.

До распада СССР и в политике, и в идеологии, и в праве существовала общепринятая и единая категория «русский народ» как составная часть более широкого и емкого понятия «советский народ». Последнее понятие ушло, став достоянием истории. А что же с русским народом, с его этническим пространством? Из 146 млн россиян русские составляют 120 млн человек, из которых 10 млн проживают в субъектах Российской Федерации и 1,5 млн в 10 автономных округах России. В автономных республиках русские составляют от 9 % (Дагестан) до 83 % (Башкортостан), в автономных округах от 40 до 70 % населения. В новых независимых государствах, возникших после распада Советского Союза, оказались 25,3 млн русских и 11 млн человек, связанных с Россией историческими, этническими и культурными узами.

Кем себя ощущает русский человек, например, на Украине? Где его этническая территория? Во-первых, он находится на территории нерусского государства и фактически является иностранцем, поэтому вынужден счи-

таться с новыми политическими реалиями: учить украинскую «мову» (ведь русский язык – язык оккупантов), пользоваться украинскими деньгами, мириться с пограничным контролем. С другой стороны, в личных контактах до 2014 года он мог свободно, без проблем возвратиться в свое языковое и культурное пространство (смотреть российские каналы телевидения, слушать русское радио, говорить на русском языке, то есть в свое этническое пространство). Но что делать русскому человеку сегодня, когда он волею судеб оказался в полной изоляции от своих этнических корней, попал в разряд оккупантов и т. д. Таким образом, распад СССР развел, расщепил пространство русского человека на новое политическое, наступающее пространство, в котором он должен адаптироваться как социальное существо, и свое, этническое, сжимающееся, пространство, в котором он существует как «этноформ» (Ю. В. Бромлей).

В новых независимых государствах, в новом политическом пространстве стимулируется процесс формирования этнического пространства коренного этноса (язык, культура, номенклатура) за счет сокращения (ужимания) этнического пространства русских, и этот процесс выдавливания русских все последние 25 лет развивался стремительно [2]. У этих русских, волей Советского правительства заброшенных в годы великих строек в национальные республики, не было другого выхода, как вернуться в Россию, но вернуться с «черной меткой», с раненым расщепленным самосознанием, что усугублялось бюрократическими препонами в получении российского гражданства [3]. Хочется задать вопрос: можно ли, как территорию, расколоть русско-украинские семьи, русскую и украинскую историю и культуру? На каком языке будет развиваться наука Украины, ведь в малороссийском языке просто отсутствуют многие научные понятия, поскольку весь XX в. научное и культурное развитие шло в рамках русского языка.

Хирургическая кройка политических границ территории бывшего СССР повлекла за собой разрушение сложившегося многоуровневого пространства (экономического, политического, языкового) как единой сложно структурированной системы и в целом привела к истончению слоя социального пространства. В эти не зарубцевавшиеся швы, стыки новых границ прорываются мощные волны национализма и русофобии. За бывшими союзными республиками потянулись автономные, за ними автономные округа, затем – экономически самостоятельные районы и т. д.

Сегодня территория России превращается в нечто, что можно назвать пространством «за вычетом автономий». Однако никто не берется определить этот сухой остаток содержательно. Вошедшие в употребление формулы: «Россия и Чечня», «Россия и Татарстан» делают даже юридически необходимым определение того, что же есть Россия без Чечни, Татарстана и т. д. Руководство страной закрывает глаза на вопрос, кого же оно представляет в республике.

Русские «иностранцы» в Прибалтике, Молдове, Средней Азии, Казахстане, на Украине – это лишь внешний круг расщепления единого национального тела, на восстановление которого Русь, а затем Россия потратила века

исторической работы после освобождения от ордынского ига. Процесс де-структуризации, идущий в форме расширения прав автономий, ведет к расщеплению русских как единого народа с общим государством – Россией. При этом русские, составляющие значительную часть населения, утрачивают историческую и государственную идентичность, ибо их государством становится не Россия, а территориальное образование, названное именем другого народа.

В значительной мере ситуация объясняется тем, что процесс структурирования русской нации не закончен. Он был прерван искусственным форсированием интернациональных процессов в советское время. Положение осложняется этническим фоном внутри суперэтноса и вне его. Народы, составляющие суперэтнос Россию, живут каждый по своим этническим часам. Есть те, для которых родоплеменные отношения до сих пор являются ведущими (Северный Кавказ); те, для которых народность остается высшим достижением в этнической жизни и их численность не позволяет интегрировать в нацию (Крайний Север). Есть диаспорные народы, для которых этническое время как бы раздвоилось на время материнского этноса и собственное субэтническое (греки, армяне, цыгане). Есть, наконец, субэтноты, которые живут вроде бы по времени родового этноса, но с известными отклонениями (казаки, поморы) [4].

Гармонизация всех этих вариантов этнической темпоральности вполне возможна на адекватной социальной основе. Но только в том случае, если системообразующий этнос представлен высшей по отношению к другим этнической формой и находится на соответствующей стадии социального развития. Пока в России этот идеал не достигнут. Те этноты, которые интегрировали в нацию, требуют собственного государственного оформления, имея тенденцию к образованию этносоциальных изолянтов, а те, которые представлены как развитая народность, требуют также политического оформления в субгосударственной форме.

Крушение любой империи (Западной Римской империи, а затем в XV в. и Восточной Римской, Татаро-Монгольской империи и Британской империи) – это социальная катастрофа, оказывающая влияние на весь ход мировой истории. Этнокультурные последствия развала СССР еще только начинают проявляться, поскольку переструктурирование общества и всего его пространства, вызванное изменениями политических границ, идет гораздо медленнее. Важно то, что не изменения границ последовали за переменами в социальном устройстве, но перемены в социальном устройстве последовали за изменениями границ.

Главное просматривается уже сейчас. Оно состоит в том, что самоочевидность территориальных границ, привычных по меньшей мере для нескольких послевоенных поколений, кончилась. Более того, нарастает ощущение колеблемого, теряющего незыблемость пространственных границ «жизненного мира» (Э. Гуссерль). Ситуация, вызванная изменением политических границ, имеет большую сиюминутную актуальность, но главное – она придает непреходящую теоретическую и социологическую актуаль-

ность вопросу о социальном пространстве. Кроме того, политическая ситуация развела, отслоила социальное пространство и этническое пространство и поставила проблему их взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сизов, С. Г. Русофобия как разновидность политического и культурного экстремизма (Украина и Россия) / С. Г. Сизов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 2 (43). – С. 254–257.
2. Романов, И. Мультикультурализм по-русски / И. Романов // Столетие [Электронный ресурс]. 2013 – 21 января. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/vzglyad/multikulturalizm_po-rossijski_828.htm (дата обращения 31.08.2016).
3. Соловей, В. Д. Трансформация русской идентичности и ее стратегические последствия / В. Д. Соловей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/13430> (дата обращения 31.08.2016)
4. Когатько, Д. Г. Российская идентичность: Культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации / Д. Г. Когатько, В. Х. Тхакахов. – СПб. : Алетейя, 2010. – С. 87.

УДК 101

ББК 63.3

**ФАКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА
НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на примере воинов из Чечено-Ингушетии)**

**THE FACTS OF INTERNATIONALISM AT
THE GREAT PATRIOTIC WAR
(in a sample of war participants from Checheno-Ingushetiya)**

БЕРСАНОВА Залпа Хож-Ахмедовна

Академия наук Чеченской Республики,
Грозный, Россия
E-mail: Zalpa@list.ru

Аннотация. Статья посвящена фактам биографий участников войны из Чечено-Ингушетии, свидетельствующих о проявлении интернационализма в годы Великой Отечественной войны и в послевоенной жизни героев.

Ключевые слова: война, герой, духовные ценности, дружба, победа.

BERSANOVA Zalpa Kh.

The Academy of Sciences of the Chechen
Republic, Grozny, Russia
E-mail: Zalpa@list.ru

Abstract. The article is devoted to the biographical facts of war veterans of the Chechen-Ingushetia, indicating the manifestation of internationalism during the Second World War and in the post-war lives of the characters.

Keywords: war, hero, spiritual values, friendship, victory.

История Великой Отечественной войны – это не только цепь трагических событий, боев, сражений, не только людские и материальные потери. Любая война – это огромное испытание, как всей системы духовных ценностей общества, так и отдельной личности.

«Ценности родились в истории человеческого рода как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом рока, тяжелых жизненных испытаний... Ценности придают смысл человеческой жизни», – пишет доктор философских наук М. М. Бетильмерзаева [1].

Такие ценности, как гуманность, милосердие, готовность к самопожертвованию ради спасения жизни товарища – сохранялись и на войне. Эти ценности как бы цементировали отношения между людьми разных национальностей, волею судьбы оказавшихся в числе защитников Родины.

К сожалению, в последнее время часто можно слышать рассуждения о том, что дружба народов – это миф, выдуманный советскими идеологами, что это безжизненная абстракция, за которой ничего не стояло, кроме коммунистической пропаганды.

Подобные рассуждения опровергает сама история, которая показывает, как питалась, взращивалась, проверялась самой жизнью дружба народов нашей многонациональной страны. Особенно ярко она проявилась на полях Великой Отечественной войны.

То, что это не голословное утверждение, наглядно демонстрируют примеры из фронтовой жизни моих земляков-чеченцев, участников Великой Отечественной войны.

В первые же дни войны тайком от родителей ушел на фронт четырнадцатилетний подросток из селения Чечен-Аул Ваха Алиев. Он был не только храбрым воином, но и «добрым малым», как говорили о нем однополчане.

Узнав о депортации своего народа, Ваха написал письмо Сталину, в котором выразил протест против этой чудовищной акции.

Из Москвы в ответ на это послание поступил приказ расстрелять автора письма.

Среди командиров Вахи нашелся мужественный человек, который рискуя собственной жизнью или свободой, взял на себя смелость не привести в действие приговор в отношении «сына полка».

Ваху несколько месяцев прятали в подвалах, тайком лечили (у него было осколочное ранение). Когда подвернулся этап, отправляющийся в Сибирь, Ваху отправили вместе с другими осужденными.

Не менее трогателен тот факт, что командир Вахи и однополчане после смерти Сталина стали хлопотать об освобождении Вахи Алиева. Они писали письма во все высшие инстанции, рассказывали о боевых подвигах Вахи, доказывали, что он был осужден незаконно. Благодаря активным действиям однополчан, бывший сын полка был отпущен на свободу в 1954 году [2].

В предвоенное время Багат Якубов работал в Малгобекском горкоме партии Чечено-Ингушетии. Когда гитлеровцы напали на нашу страну, Багат попросился на войну. Служил в автоколонне 9-й гвардейской стрелковой бригады. С первых же дней службы на фронте он проявлял мужество и находчивость. Когда стало известно о том, что находящийся под городом Кизляр 2-й стрелковый батальон со всех сторон окружен противником, Багат Якубов попросил разрешения у командования и решил вывести наших солдат из окружения. Используя только ему известные тропинки, он прекрасно справился с задачей – вывел батальон из фашистского кольца без потерь.

20 сентября 1942 года во время кровопролитного сражения Багат Якубов под ураганным минометным огнем вынес с поля боя тяжело раненного комбрига Мартиросова и на своей машине доставил его в госпиталь [3].

Мада Имаев из селения Урус-Мартан тоже ушел на войну добровольцем. В 1944 году, когда узнал о депортации чеченцев, он написал И. В. Сталину: «Мы тут почти у Берлина. А вы наших выселяете...»

Визит энкавэдэшников не заставил себя долго ждать. Но командование встало за Имаева горой, и Мада продолжил свой боевой путь. Когда до победы оставались считанные дни, ему пришлось покинуть часть.

«В 4 утра должно было начаться форсирование Одера, – вспоминал Мада. – Немцы начали мощный артиллерийский обстрел. Я получил тяжелое ранение. Была такая страшная канонада, что даже родной брат не бросился бы спасать брата. И Всевышний не осудил бы его за это. Но один кавалерист, который удерживал коней, чтобы они не разбежались, отпустил их, и бросился мне на выручку. Под шквальным огнем он вынес меня с поля боя. Таскал из госпиталя в госпиталь – все палаты и коридоры были до отказа забиты ранеными. Он не бросил меня, пока не нашел свободное место в одном из госпиталей».

К сожалению, Мада ничего не успел узнать о том парне, кроме того, что он родом из Краснодара. В течение многих лет после войны он разыскивал его, чтобы отблагодарить за то, что рискуя своей жизнью, в этом крошечном аду, спас ему жизнь [4].

Советские воины были надежной опорой друг другу и в тяжелые дни фашистского плена.

Недавно почивший ветеран Великой Отечественной войны из грозненского поселка Старая Сунжа Сулейман Мурдалов попал в плен в самом начале войны. Он оказался в лагере для военнопленных в городе Ростове-на-Дону. Семнадцатилетний Сулейман вместе с другими военнопленными выполнял тяжелую работу – приходилось грузить снаряды на железнодорожные вагоны. С ним в плену были два грузина средних лет. Они по-отечески опекали юношу. И даже отдавали ему часть своего скудного пайка.

«Ты еще очень молод. Ты должен выжить, у тебя вся жизнь впереди», – наставляли они Сулеймана.

«Однажды я споткнулся и упал вместе со снарядом, который весил около двадцати килограммов, – вспоминал Сулейман. – Немец-охранник, увидев это, разозлился и ударил меня прикладом винтовки. Я вскочил и набросился на немца с кулаками. Тот сразу передернул затвор автомата. Тут откуда ни возьмись, появились два грузина, они прикрыли меня своими телами и не дали расстрелять» [5].

Из всех чеченцев – Героев Советского Союза дольше всех прожил Хансултан Дачиев из города Гудермес, его не стало в 2001 году.

Звание Героя Советского Союза Хансултан получил за разведывательную операцию в ходе форсирования Днепра.

В Кремле во время церемонии вручения Золотой Звезды Героя к Хансултану подошла девушка. Он не сразу узнал ее.

Как-то еще в начале войны Хансултан с двумя товарищами возвращался на лошадях из разведки. Над ними летали вражеские самолеты. А недалеко был женский зенитный батальон. Зенитки начали стрелять. Вражеские са-

молеты свернули с маршрута и сбросили бомбы в район расположения батальона.

Услышав шум, крики о помощи, Хансултан с товарищами направился в сторону дислокации батальона. Многие зенитчицы были ранены. Одна из них была без сознания. Обработав ее раны спиртом, Хансултан увез ее на коне в расположение своей части, недалеко располагалась и медсанчасть. Когда девушка пришла в сознание, Хансултан взял у нее адрес родителей и сообщил им, что их дочь жива и находится в такой-то медсанчасти.

Оказывается, отец девушки работал в госпитале где-то под Москвой, он приехал и забрал дочь.

Командир зенитного батальона представил девушку к награде. И вот в Кремле Хансултан и спасенная им девушка встретились вновь.

В 1946 году Герой Советского Союза Хансултан Дачиев был незаконно осужден и отправлен на каторгу отбывать 20-летний срок. Начальником управления Тавдинским лагерем оказался полковник Сапожников. Во время Сталинградской битвы Сапожников получил приказ командования отвоевать один населенный пункт. Сапожников попросил у командира 255-го кавалерийского полка Мовлида Висаитова пулеметный расчет. И тот сказал, что направляет к нему Дачиева с пулеметным расчетом.

Сапожников не забыл, как косил фашистов из своего пулемета этот отважный горец. И вот теперь, увидев в списках осужденных фамилию Дачиева, Сапожников вызвал его к себе, убедился, что это тот самый пулеметчик и сделал все, чтобы перевести его на вольное поселение. Благодаря усилиям Сапожникова, Хансултан был отпущен на свободу на 8 лет раньше присужденного ему срока [6].

Фронтная дружба представителей разных национальностей продолжалась и после войны. Они приходили на помощь друг другу при самых разных жизненных обстоятельствах.

Демби Муртазаев из селения Беной Ножай-Юртовского района был на фронте с первых дней войны. Из-за ранений он неоднократно попадал в госпитали, и каждый раз оказывался в новой части. В феврале 1944 года в связи с депортацией всех чеченцев снимали с фронта. Командиру каким-то образом удалось оставить Демби в части. День Победы они оба встретили в Югославии.

Демби был озабочен тем, куда он поедет после демобилизации – с февраля 1944 года он не получал писем от родных и не знал, живы ли они.

Командир пригласил его к себе в Кемеровскую область, город Прокопьево. Вчерашний командир роты стал шахтером. Своего фронтового друга Демби Муртазаева он тоже устроил на шахту.

Но и на этом не закончилась благотворительность этого русского парня (к сожалению, родные Демби не знают его имени и фамилии). Оказывается, он тайне от Демби разыскивал его родственников. Через год нашел его сестру и брата (родители умерли от какой-то болезни в первые месяцы ссылки).

Демби дожил до глубокой старости. Вспоминая о войне, он ничего не рассказывал о своих подвигах. Но всегда с восхищением говорил о хрупких

русских девушках-санитарках, которые под шквальным огнем уносили с поля боя раненых бойцов [7].

Собирая материал об участниках Великой Отечественной войны из нашей республики, я пришла к выводу, что в биографии каждого из них можно найти примеры проявления интернационализма на фронте, в тылу, в условиях фашистского плена или послевоенной жизни. Вплоть до 1994 года, когда в республике начались военные действия, сюда приезжали ветераны с разных концов Советского Союза к своим бывшим сослуживцам. И ветераны-чеченцы часто выезжали на встречи с однополчанами в Москву, в города-герои Волгоград, Минск и т. д. Сообщениями о таких событиях пестрят местные газеты советских времен.

Нет никакого сомнения в том, что теоретический и практический опыт интернационального воспитания, основанный на таких конкретных примерах, должен быть использован в процессе воспитания школьников и студентов, если мы хотим, чтобы они стали социально активными, высоконравственными личностями, обладающими культурой межнационального общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бетильмерзаева, М. М. Ментальность в контексте культуры (философско-культурологический анализ) / М. М. Бетильмерзаева. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. – 250 с.
2. Берсанова, З. Х.-А. Враг уroda / З. Х.-А. Берсанова // Новая газета. – 2000 г.

УДК 94(47).084.8

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на материалах Сталинградской области)

EVACUATION OF ORPHANED DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (on materials of Stalingrad region)

МЕРКУРЬЕВА Вера Сергеевна

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия
E-mail: merkuvera@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы эвакуации детей из районов военных действий в годы Великой Отечественной войны. Показаны направления работы государственных попечительских организаций, трудности и достижения. Выявлены механизмы помощи детям-сиротам в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дети, сироты, детские дома, эвакуация, Сталинград.

MERKUREVA Vera S.

Volgograd State Social-Pedagogical
University, Volgograd, Russia

E-mail: merkuvera@yandex.ru

Abstract. The article discusses the evacuation of children from areas of hostilities during the Second World War . Showing directions of the state social welfare organizations, difficulties and achievements. The mechanisms of assistance to orphans during the war.

Keywords: The Great Patriotic War, children, orphans, children's homes, evacuation, Stalingrad.

Система социальной защиты детей, сформировавшаяся и успешно функционирующая в СССР к началу 1940-х годов, подверглась испытаниям в годы Великой Отечественной войны. Начало широкомасштабных военных действий в западных регионах страны, необходимость изменения жизни людей, огромные человеческие жертвы – все это обусловило необходимость усиленной защиты детей, особенно тех, кто остался без попечения родителей. В это время появилось большое количество нормативно-правовых документов, регулирующих вопросы эвакуации детей из фронтовых и оккупированных районов, помощь многодетным семьям фронтовиков и одиноким матерям, устройства детей-сирот на воспитание в приемные семьи или государственные попечительские учреждения, борьбу с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью среди несовершеннолетних.

До начала Великой Отечественной войны в нашей стране существовали детские дома для испанских и польских детей-сирот. После начала боевых действий необходимо было позаботиться о всех нуждающихся детях. Для устройства всех детей, находившихся в прифронтовых и оккупированных районах, было принято Постановление ЦК ВКП(б) «Об эвакуации», которое обязало местные органы власти увозить детей в тыловые районы страны под присмотром воспитателей в детских учреждениях. Практически сразу из районов боевых действий началась массовая эвакуация. Таким образом, с первых же дней после начала войны вопросы социальной защиты детей решались на самом высоком уровне.

Основная трудность заключалась в том, что детей, которых вывозили из родных городов в столь короткие сроки, родителям или родственникам было сложно отыскать. Забота о розыске родственников этих детей, об их дальнейшем устройстве была возложена на работников НКВД. Их усилиями в кратчайшие сроки были созданы необходимые приемники-распределители и эвакупункты, а затем и развернута широкая сеть детских домов. Одновременно шел процесс эвакуации существующих детских домов в восточные районы страны.

В 1941 – начале 1942 года Сталинградская область как тыловой регион принимала эвакуированные детские учреждения из западных районов страны, подвергшихся оккупации после начала Великой Отечественной войны. В Сталинградскую область было эвакуировано 68 детских домов из Украины и Белоруссии, а также три испанских детских дома. С этими детскими учреждениями в нашу область приехали 700 человек обслуживающего персонала [4; Л. 2]. В районах Сталинградской области были выделены специальные помещения для эвакуированных детских домов. Дополнительно из бюджета Сталинградской области было ассигновано 9 млн рублей для оказания материальной помощи эвакуированным детям, оставшимся без родителей [3; Л. 3]. К тому же, по решению обкома ВКП(б) в Сталинграде и области был организован сбор теплых вещей и денег среди населения. В результате было собрано 200 тыс. разных вещей и 1 млн 50 тыс. рублей. Только в Сталинграде удалось собрать 42 тыс. различных детских вещей и 532 тыс. рублей [3; Л. 3]. Однако несмотря на все принимаемые меры, мно-

гим эвакуированным детским попечительским учреждениям не хватало квалифицированных педагогических и медицинских работников, а также многих необходимых вещей.

В середине 1942 г., в связи с приближением линии фронта к Сталинградской области, необходимо было эвакуировать детские попечительские учреждения из донских районов в заволжские. В июле 1942 года было эвакуировано 18 детских домов в Астраханский округ и 7 детских домов в заволжские районы [2; Л. 233]. Кроме того, из западных районов Сталинградской области были эвакуированы детские лечебно-профилактические учреждения, а Дом ребенка из Сталинграда переведен в Средне-Ахтубинский район [2; Л. 236].

Для проведения данной работы, согласно изданным распоряжениям местных властей, были разработаны специальные планы эвакуации, включающие в себя сроки и маршруты движения воспитанников и персонала детских учреждений. Например, Серафимовичские детские дома № 1, 2, 3 и школу-интернат для глухонемых детей, Подтелковский и Глазуновский детские дома планировалось перевезти грузовыми автомашинами до станции Себряково с последующей отправкой по железной дороге до Сталинграда и дальше по Волге. Детские дома Нехаевского, Добринского, Хоперского и Алексеевского районов должны были перевезти до станции Урюпино гужевым и автомобильным транспортом, затем по железной дороге до Сталинграда и дальше по Волге.

В свою очередь, руководитель областного отдела народного образования Н. А. Агринский направил представителей областного отдела народного образования в районы области для проведения эвакуации детских домов и сопровождения их до указанного места назначения [2; Л. 233]. Такие же представители были направлены в Иловатский, Старо-Полтавский, Харабалинский, Камызякский и Икрянинский районы для организации встречи и размещения в отведенных им помещениях прибывающих детских попечительских учреждений. Во всех районах области, обязанных встретить и разместить их, должны были приготовить соответствующие помещения, оборудовать их всем необходимым для приема и размещения детей, организовать санитарную обработку прибывших, выделить необходимое количество продуктов, а также обеспечить встречу детей на станциях, пристанях и перевезти к месту назначения.

Кроме того, из западных районов Сталинградской области были эвакуированы детские лечебно-профилактические учреждения:

- Нижнее-Чирский санаторий для детей, больных туберкулезом, был расформирован, тяжело больные дети были доставлены в Сталинград;
- Карповский детский санаторий Городищенского района был направлен в Астрахань;
- Дом ребенка из Сталинграда переведен в Средне-Ахтубинский район [2; Л. 236].

К августу 1942 года всех прибывших детей пришлось эвакуировать далее, за пределы Сталинградской области: в Молотовскую область – 4208 воспи-

танников; в Узбекскую ССР – 1404 воспитанника; в Актюбинскую область – 1135 воспитанников; в Свердловскую область – 320 воспитанников; в Башкирскую АССР – 736 воспитанников; в Алтайский край – 200 воспитанников. Детские дома для испанских детей были направлены в Уфу. Всего из Сталинградской области было эвакуировано 63 детских дома, где находилось более 9000 детей [3; Л. 6]. Следует отметить, что подобная ситуация наблюдалась в большинстве районов СССР, эвакуация детей из прифронтовых и оккупированных территорий, их размещение и забота о них в годы войны являлась одной из приоритетных задач местных властей.

Большая работа была проделана представителями местных органов власти, работниками здравоохранения и просвещения всех областей, куда прибывало эвакуированное население. Всем им нужно было принять и разместить детские учреждения в приемлемых бытовых условиях. Работа осложнялась трудностями военного времени, нехваткой помещений, инвентаря, педагогических кадров, особенно в сельской местности. Прибывающих к месту назначения детей, по возможности, размещали в частично приспособленных для этой цели правлениях колхозов и домах колхозников, а также в клубах и школьных зданиях. Правительство контролировало работу по устройству эвакуированных детей и населения. Специальные инспекторы постоянно проверяли эту работу на местах, так как многие дети прибывали к месту назначения ослабленными, истощенными и больными. По мере возможности проводились комплексные осмотры детей, было организовано их оздоровление и лечение. Из-за трудностей военного времени во многих эвакуированных детских учреждениях Новосибирской, Архангельской, Молотовской, Омской, Пензенской, Тамбовской и других областях нормы отпуска продуктов питания со складов такие низкие, что обеспечивали приготовление лишь одного блюда на ребенка в день [1; Л. 15]. Недостаточным было снабжение эвакуированных детей одеждой, обувью и постельными принадлежностями. Однако своевременная помощь населения и контроль со стороны партийных и государственных структур позволяли успешно решать проблемы эвакуированных детей.

Таким образом, в 1941 – начале 1942 гг. руководству Сталинградской области, как и других тыловых областей страны, приходилось размещать эвакуированные детские учреждения из прифронтовых районов. Местные власти также решали проблемы предупреждения детской беспризорности и безнадзорности, появившихся в эти военные годы. Необходимо было как можно скорее расширить сеть государственных попечительских учреждений, создать дополнительные места в детских садах и детских домах. Здесь должны были находиться не только дети-сироты, но и те дети, чьи родители воевали на фронте или были заняты на производстве. В середине 1942 – начале 1943 годов, в дни Сталинградской битвы, детские дома области продолжали работу на пределе своих возможностей – здания были разрушены, персонал эвакуирован. Прекратил свою работу областной профсоюз работников дошкольных учреждений. Во время Сталинградской битвы и сразу после ее окончания работники органов народного образования и социаль-

ной защиты населения занимались учетом и устройством детей, потерявших родителей, открывали детские приемники-распределители, детские дома и детские сады-интернаты. Это свидетельствует о том, что даже в трудные военные годы дети-сироты не были брошены и забота о них рассматривалась как одно из важных направлений социальной политики советского государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 126. Д. 5.
2. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДН ИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 62.
3. ЦДН ИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249.
4. ЦДН ИВО. Ф. 113. Оп. 20. Д. 277.

УДК 94(47).084.5

ББК 63.3(2)61

ЭМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МЕННОНИТСКИХ КОЛОНИЯХ ЮГА РОССИИ В 1920-е гг.

THE EMIGRATION PROCESSES IN THE MENNONITE COLONIES OF SOUTH RUSSIA IN 1920S.

НАЗАРОВА Татьяна Павловна

Волгоградский государственный аграрный
университет, Волгоград, Россия
E-mail: hist_tatyana@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются причины нарастания эмиграционного процесса в колониях меннонитов в 1920-х гг., приводятся статистические данные об эмиграции с территории Нижнего Поволжья и Кавказа.

Ключевые слова: меннониты, немецкие колонии, эмиграция, Юг России, Поволжье, НЭП.

NAZAROVA Tatyana P.

Volgograd State Agrarian University,
Volgograd, Russia
E-mail: hist_tatyana@mail.ru

Abstract. The article analyzes the reasons for the rise of the emigration process in the colonies of Mennonites in the 1920s, it has the statistical data about emigration from the territory of the Lower Volga region and the Caucasus.

Keywords: Mennonite, German colonies, emigration, southern Russia, the Volga region, the NEP.

В начале 1920-х гг. колонии меннонитов в России являлись одним из крупнейших центров меннонитской диаспоры мира и насчитывали порядка 100 тыс. человек. Юг России стал одним из основных направлений колонизационного потока меннонитов в XVIII–XIX вв. Здесь образовались крупные локальные группы меннонитских поселений – Кеппентальские поселения Автономной области Немцев Поволжья, поселения Аркадак и Ровнополе Саратовской губернии и кавказская группа поселений (Миллерово, Великокняжеское и др.). До революции меннонитские колонии считались образцово-показательными хозяйствами, даже по сравнению с немецкими поселениями. Не случайно, дореволюционные историки и экономисты часто обращались к изучению их опыта ведения хозяйства, особенностей земель-

ных отношений и искали пути для распространения этого опыта на русскую деревню. Но революция, гражданская война, голод, экономическая политика большевиков привели их хозяйства в полный упадок.

Первые всплески эмиграционных настроений в меннонитских колониях России отмечаются уже с 1918–1920 гг. Первоначально они не были массовыми и охватывали небольшие региональные группы меннонитов, оказавшиеся в крайне тяжелых материальных условиях. Непосредственными факторами, обусловившими негативное восприятие советской власти меннонитами, стали: экономический кризис, вызванный событиями гражданской войны, реквизиционными мероприятиями периода «военного коммунизма», действиями советов, отражавших настроения маргинальной части общества и неменнонитского населения; жесткие методы сбора налогов, превышающие реальные возможности хозяйств, хлебозаготовительные кампании начала 1920-х гг. Положение отдельных групп меннонитов усугублялось нерешенностью земельного вопроса и ожесточенностью боев в период гражданской войны.

Первые сведения об эмиграции среди меннонитов Юга России встречаются в частной переписке меннонитских лидеров, в которой упоминается о 20 меннонитских семей из Кубанской и Донской областей, которые прибыли в сентябре 1921 г. в Константинополь [1]. Далее за 1923–1926 гг. благодаря совместным усилиям меннонитских кооперативов, заграничных центров и акционерных транспортных компаний за рубеж выехало порядка 15 тыс. меннонитов, основной поток которых направился в Канаду и страны Латинской Америки. Значительную часть среди выезжающих составили украинские меннониты [2. Л. 26]. По Поволжью можно привести лишь отрывочные сведения: известно, например, что по Саратовской губернии, из колонии Аркадак записалось на эмиграцию в 1925 г. 343 чел. [3. Л. 8].

В январе 1925 г. 1-й Всесоюзный съезд меннонитско-евангелических общин подал во ВЦИК на имя М. И. Калинина декларацию, в которой в том числе потребовал «освободить меннонитов как от воинской повинности, так и от всеобщего военного обучения», заменив эту службу общепользовными работами для государства [4. Л. 19]. Помимо этого меннониты просили решить вопрос землеустройства в местах компактного проживания немцев, не нарушая принципа самоуправления в колониях, а также выдвигали те же требования, которые ранее уже были озвучены в обращениях. В целом, в первой половине 1920-х гг. требования меннонитов к советской власти носили, в основном, экономический характер и нацелены были на создание благоприятных условий для восстановления экономики хозяйств. Об этом свидетельствует и частная переписка отдельных меннонитских активистов. В ней говорится, что хотя большинство меннонитов, желающих эмигрировать, и указывают «с большим пафосом на религиозные мотивы», но на самом деле этих мотивов не наблюдается [5. Л.10]. Основная причина эмиграции первой половины 1920-х гг. – резкое ухудшение материального положения, тяжелое налоговое обложение, нерешенность земельного вопроса, продовольственная политика большевиков.

По мере развертывания нэпа состояние меннонитских хозяйств стало улучшаться, что заметно сократило эмиграционный поток. Эти положительные тенденции возродили у части меннонитов надежды на возможность адаптации к условиям советского государства. Осенью 1925 г., как отмечалось в партийных документах, эмиграционное движение стало притихать, колонии вступили в полосу экономической стабильности [6. Л. 26].

Эмиграционное движение на следующем этапе (с 1927 г., достигшее своего пика в 1929–1930 гг.) было вызвано кампанией по ликвидации меннонитской кооперации, ужесточением антирелигиозного курса, свертыванием экономического и религиозного нэпа. В это время экономические требования к власти отходят на второй план, и меннонитов начинают волновать не только насущные потребности хозяйственного развития, но и фундаментальные основы развития их общности. В этот период большое количество обращений к власти содержат жалобы на притеснения религиозного характера.

Хлебозаготовительный кризис 1927 г. и принятие на XV съезде ВКП(б) курса на ускоренную коллективизацию крестьянских хозяйств привели к чрезвычайным мерам в деревне. В 1928–1929 гг. чрезвычайные мероприятия прокатились волной по всем немецким колониям. В отношении меннонитских общин местные органы власти вели себя так, как будто там жили исключительно кулаки и контрреволюционеры. Неправильно оценивая действительное хозяйственное положение меннонитских селений, местная администрация устанавливала для них завышенные нормы сдачи. Меннониты в письмах к родственникам за границу указывали, что из-за реквизиционных мероприятий власти (почти полного изъятия урожая, оставления на семью до 10 кур и всего одной коровы) многим меннонитским семьям зимой 1928–1929 гг. угрожал голод [7].

В меннонитских колониях АССР Немцев Поволжья, где, пожалуй, дольше всего сохранялись крупные земельные наделы, лишь в 1927 г. обком ВКП(б) потребовал от земельных органов признать «неправильным» существующие в колониях земельные отношения и провести заново распределение участков между меннонитами, что повлекло за собой значительное сокращение наделов и рост эмиграционных настроений [8, с. 116].

Все эти факторы привели к резкому усилению эмиграционных настроений. По оценкам сотрудников Канадского отдела по колонизации, покинуть СССР собиралось от 30 до 40 тыс. меннонитов [7]. Среди жалоб и обращений меннонитов к властным структурам в это время стали преобладать просьбы создать условия для беспрепятственной эмиграции, иногда эти просьбы содержали достаточно жесткие заявления ультимативного характера.

Начавшаяся массовая коллективизация, насильственное насаждение колхозов, которые сопровождались поголовным лишением избирательных прав духовных лиц, зажиточных, верующих учителей; ужесточение религиозного законодательства по отношению к сектантским общинам, сопровождавшиеся ликвидацией воскресных школ, массовым закрытием культовых зданий (молитвенных домов) – все это привело к усилению эмиграционного движения меннонитов, и с весны 1929 г. оно приобрело организованный

и массовый характер. Массы немецких колонистов и меннонитов двинулись под Москву весной 1929 г. (выезд был возможен только оттуда). К ноябрю 1929 г. под Москвой уже насчитывалось около 5200 человек немецкой национальности, желающих выехать из СССР. По сведениям секретаря Центрального Бюро Немсекции И. Ф. Гербарта, к этому же времени в Немреспублике готовилось также к выезду еще около 100 семей [9. Л. 108]. В массовом порядке выехали почти все меннониты из Аркадака Балашовского округа Нижне-Волжского края.

16 сентября 1929 г. Президиумом ВЦИК было принято решение о прекращении приема заявлений в местные органы власти и выдаче разрешений на выезд меннонитам и немцам без особого постановления центральных органов. Политбюро ЦК ВКП(б) лишь в качестве исключения разрешило части немцев и меннонитов, собравшихся под Москвой, выехать. Разрешение касалось, в первую очередь, кулачества. Но реально удалось уехать лишь 800 чел., из которых половина оказалась в Гамбурге, половина в Риге (из них около 400 меннонитов) [10]. Лишь благодаря помощи канадских и американских единоверцев меннонитам позднее удалось переправиться в Парагвай (360 меннонитов), в Канаду (800 меннонитов) и Бразилию (700 меннонитов) [11, с. 3].

Таким образом, во второй половине 1920-х гг., когда нарастают антирелигиозные кампании, активно стал проводиться курс на огосударствление кооперации, в результате чего было ликвидировано Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество, большинство меннонитов осознало невозможность экономического, культурного и общественно-политического развития меннонитской общности в советском государстве. Начались массовая эмиграция и необратимые процессы разрушения единства меннонитской конгрегации. После ликвидации представительных органов меннонитов, коллективизации хозяйств, меннонитские колонии утратили единство, были разрушены практически все факторы, которые определяли целостность сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фризен А. – Мамоу Л., 21 сентября 1921 г. // MCC Archives Collection. IX-1-1.
2. Проект доклада о меннонитах Комиссии при Агитпропе ЦК по работе среди меннонитов [1925 г.] // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 112. – Д. 776.
3. Список меннонитов Аркадака, эмигрирующих в Канаду, 10 августа 1925 г. // Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). – Ф. 423. – Оп. 1. – Д. 36.
4. Декларация 1-й Всесоюзного съезда меннонитско-евангелических общин, январь 1925 г. // ГАРФ. – Ф. 5407. – Оп. 1. – Д. 20.
5. Эннс А. А. – Фрезе П. Ф., 1 июля 1923 г. // ГАРФ. – Ф. 423. – Оп. 1. – Д. 14.
6. Проект доклада о меннонитах Комиссии при Агитпропе ЦК по работе среди меннонитов, 1925 г. // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 112. – Д. 776.
7. Справка на запрос М. Кратца о положении меннонитов в России и эмигрантах, 25 октября 1928 г. // MCC Archives Collection. HM1- 673. B5-F7.
8. Протокол № 30 заседания Бюро ОК ВКП(б) АССР НП, 10 августа 1927 г. // Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений, 1922-1939 гг. : арх. док., коммент. / Общ. акад. наук рос. немцев. – М.: Гарт, 2009. – 751 с.
9. Докладная записка секретаря ЦК ВКП(б) т. Кагановичу (от секретаря Немсекции Гербарта), 5 ноября 1929 г. // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 113. – Д. 791.
10. Тэвс Д. – Миллеру А. Дж., 4 ноября 1929 г. // MCC Archives Collection. HM1-673. B 1-F18.
11. Mennonite refugees sail // The New York Times. – 1930. – March 17.

УДК 37. 018. 7

ББК 74

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

EXPERIENCE OF FORMATION OF ETHNOCULTURAL IDENTITY AND TOLERANCES OF TEENAGERS IN THE INTERNATIONAL AND INTERFAITH ENVIRONMENT OF ESTABLISHMENT OF ADDITIONAL EDUCATION

ШУСТОВА Любовь Порфирьевна

Ульяновский государственный
педагогический университет
им. И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия
E-mail: lp_shustova@mail.ru

НИКИТИНА Ольга Геннадьевна

Детско-юношеский центр №3,
Ульяновск, Россия
E-mail: dyts3@mail.ru

ГРИЦЕНКО Вероника Валерьевна

Детско-юношеский центр №3,
Ульяновск, Россия
E-mail: dyts3@mail.ru

БОДИНА Наталья Сергеевна

Детско-юношеский центр №3,
Ульяновск, Россия
E-mail: dyts3@mail.ru

Аннотация. Авторы обращают внимание на актуальность реализации поликультурного подхода в социальном воспитании детей и подростков в условиях дополнительного образования. Представлен опыт формирования этнокультурной идентичности и толерантности воспитанников в межнациональной и межконфессиональной среде учреждения дополнительного образования.

Ключевые слова: поликультурный подход, социокультурная среда, социальное воспитание, дополнительное образование, этнокультурная идентичность, толерантность, субкультуры.

SHUSTOVA Lubov P.

Ulyanovsk State Pedagogical University
of name I.N. Ulyanova, Ulyanovsk,
Russia
E-mail: lp_shustova@mail.ru

NIKITINA Olga G.

Center No. 3 for children and young people,
Ulyanovsk, Russia
E-mail: dyts3@mail.ru

GRITSENKO Veronika V.

Center No. 3 for children and young people,
Ulyanovsk, Russia
E-mail: dyts3@mail.ru

BODINA Natalya S.

Center No. 3 for children and young people,
Ulyanovsk, Russia
E-mail: dyts3@mail.ru

Abstract. Authors pay attention to importance of realization of polycultural approach in social education of children and teenagers in the conditions of additional education. Experience of formation of ethnocultural identity and tolerance of teachers and pupils in the international and interfaith environment of establishment of additional education is presented.

Keywords: polycultural approach, sociocultural environment, social education, additional education, ethnocultural identity, tolerance, subcultures.

В последние десятилетия заметно возросла значимость поликультурного подхода в образовании, что нацеливает педагогов на необходимость учитывать возрастающее значение социокультурной среды в становлении личности. Поликультурное пространство личности весьма разнородно и многообразно. Любая образовательная организация, в которой осуществляется социальное воспитание подрастающего поколения, представляет собой поле пересечения множественных культур и субкультур, наличие и своеобразие которых подчас не используется в воспитательных целях.

Растущая роль системы дополнительного образования как специально организованной образовательной среды, обладающей большими возможностями для реализации поликультурного подхода в социальном воспитании формирующейся личности, очевидна.

Разрабатывая модель поликультурного подхода в социальном воспитании в рамках инновационной деятельности, авторы опирались на концепцию, разработанную Н.Н. Никитиной совместно с другими исследователями: Н.А. Евлешиной, В.Р. Ясницкой, И.Т. Сулеймановым [1]. В ней рассматривается поликультурная среда воспитательной организации учреждения дополнительного образования как объективно существующее многообразие субкультур; изучается воспитательный потенциал данных культур; выявляются условия становления социокультурной толерантности и идентичности воспитанников и педагогов в поликультурной реальности.

Разработанная авторами теоретическая модель опирается на концепции, идеи и базисные категории поликультурности, а также на концепцию социализации в контексте социального воспитания А.В. Мудрика, которое определяется им как возвращение человека в ходе планомерного создания условий для его относительно целенаправленного позитивного развития и духовно-ценностной ориентации [2].

Результатом поликультурного воспитания является оптимальное сочетание культурной толерантности и идентичности личности. Являясь компонентом социализированности, поликультурность человека характеризуется через два диалектически связанных ее аспекта. Первый, соответствующий социальной адаптированности, представлен толерантностью личности по отношению к многообразию взаимодействующих с ней культур. Второй аспект, соответствующий социальному обособлению, представлен социокультурной идентичностью человека, являющей собой своеобразный сплав интериоризированных культур и продуцированные им самим культурные ценности. Толерантность и идентичность личности, рассматриваемые как взаимодополнительные и взаимодетерминированные составляющие поликультурности, выступают как цели-результаты социального воспитания и проявляются в когнитивном, эмотивном и конативном аспектах, отражающих последовательность формирования поликультурности личности. В условиях воспитательной организации поликультурность личности формируется в процессе события различных контактных субкультур: этнических, конфессиональных, гендерных и других.

Выводы, отражающие понимание сущности поликультурного подхода в социальном воспитании, которая заключается:

- в признании и принятии многообразия культур, включенных в процесс воспитания, и изучении их воспитательного потенциала;
- развитии толерантности педагогов и воспитанников по отношению к разнообразию субкультур, представленных в организации;
- поддержке этнокультурной идентичности воспитанников;
- увеличении воспитательного потенциала организационной культуры воспитательной организации в процессе ее продвижения к культуре взаимодействия, создающей наиболее благоприятные условия для совместного бытия субкультур и культурной идентификации каждого из них.

Анализ результатов данных, полученных в ходе констатирующего эксперимента, позволил выделить ряд проблем поликультурности, характерных для учреждения дополнительного образования:

1. Недостаточное внимание педагогов к наличию представителей различных субкультур в их объединениях, слабая информированность об особенностях данных субкультур, о возможности использования их позитивных аспектов и нейтрализации негативных.
2. Проблема формирования толерантности детей к контактными коллективным субкультурам.
3. Проблема становления этнокультурной идентичности подростков и недостаточной готовности педагогов к поддержке ее развития.
4. Проблема недостаточной компетентности педагогов в вопросах реализации поликультурного подхода в социальном воспитании детей и подростков в целом.

Для того, чтобы данные проблемы решались, их прежде всего должны осознавать педагоги. Поэтому важнейшим условием осуществления поликультурного подхода в социальном воспитании является подготовка педагогов к его реализации. Это обстоятельство вызывает необходимость разработки программы подготовки педагогов, целью которой является развитие их профессиональной компетентности в вопросах реализации поликультурного подхода в социальном воспитании обучающихся [3].

В качестве задач выступают: ознакомление педагогов с многообразием и особенностями имеющихся в УДОД контактных субкультур; ознакомление с современными воспитательными технологиями, способствующими формированию этнокультурной идентичности и толерантности.

Этапы подготовки педагогов:

- ориентационный, предполагающий формирование системы знаний о многообразии существующих в учреждении субкультур, о проблеме поликультурного подхода в социальном воспитании обучающихся;
- познавательный, формирующий целостные знания о специфике и методах реализации поликультурного подхода в социальном воспитании;
- деятельностный, предполагающий приобретение опыта, овладение методами реализации поликультурного подхода в социальном воспитании обучающихся в учреждении дополнительного образования.

Исследование готовности педагогов к реализации поликультурного подхода в воспитании в количестве 30 человек осуществлялось на базе МБОУ ДОД «ДЮЦ № 3» Засвияжского района г. Ульяновска. Основной методикой

психолого-педагогической диагностики стал опросник «Поликультурная толерантность и идентичность» (Н. Н. Никитина, В. Р. Ясницкая, Н. А. Евлешина). Содержание диагностики основано на модели поликультурного подхода в социальном воспитании и включает изучение когнитивного, эмоционального и поведенческого уровней поликультурной толерантности и идентичности педагогов и воспитанников. Методика рассчитана на подростков (1 вариант) и педагогов (2 вариант).

Результаты диагностики сформированности поликультурности у педагогов. Осуществление поликультурного подхода в социальном воспитании возможно при условии готовности педагогов к его реализации, а, следовательно, требует изучения и соотнесения степени их толерантности к различным субкультурам, представленным в воспитательной организации, и собственной этнокультурной идентичности с данными, полученными при изучении их воспитанников.

Блок вопросов, касающихся этнокультурной толерантности и идентичности педагогов дополнительного образования, позволил выявить высокий уровень толерантности к *этническим субкультурам*, представленным в объединениях, на эмотивном и поведенческом уровнях ($\text{ЭТ}_5 = 3,7$, $\text{ПТ}_5 = 3,7$). Вместе с тем на когнитивном уровне данный показатель невысок ($\text{КТ}_5 = 2,9$), 30 % опрошенных считают, что они недостаточно знают обычаи и особенности тех национальностей, к которым принадлежат их воспитанники. При высоком уровне эмоционального принятия своей принадлежности к собственному этносу ($\text{ЭИ}_5 = 3,75$), не все педагоги считают, что они в достаточной мере знают обычаи и традиции своего народа ($\text{КИ}_5 = 3,45$) и придерживаются их в своей жизни ($\text{ПИ}_5 = 3,45$).

Так же, как и дети, педагоги готовы проявлять высокую степень толерантности к представителям различных *конфессий* на поведенческом уровне ($\text{ПТ}_6 = 3,8$). Однако трудно представить, как может педагог не задевать чувства верующего человека (в конкретном случае своего воспитанника), если 45 % из них не уверены в своем знании особенностей других религий, а 25 % не имеют представления о религиозных взглядах своих воспитанников ($\text{КТ}_6 = 2,85$). Кроме того, 30 % опрошенных заявляют, что им не интересны особенности других религий ($\text{ЭТ}_6 = 2,95$).

Что касается *конфессиональной идентичности*, то ее показатели таковы: 80 % педагогов считают себя верующими ($\text{ЭИ}_6 = 3,25$), заявляют, что они знают и понимают особенности своей религии ($\text{ТИ}_6 = 3,1$); но только 60 % стремятся соблюдать ее обряды и каноны ($\text{ПТ}_6 = 2,65$). В конце эксперимента показатели не претерпели существенных изменений. Это связано с тем, что большинство педагогов имеет свои устоявшиеся моральные ценности и менять их в силу возраста не желает.

Результаты диагностики сформированности поликультурности у воспитанников. В объединениях УДОД занимаются дети разных национальностей. Здесь наиболее полно представлены традиционные *этнические культуры* Поволжья: русские, татары, чуваша, мордва, а также появившиеся в результате миграционных процессов представители постсоветских рес-

публик: азербайджанцы, армяне (особенно в таких спортивных объединениях, как бокс, борьба). Поэтому проблема сохранения этнокультурной идентичности актуальна для данного вида воспитательной организации. Анализ результатов опроса воспитанников УДОД показал, что подростки демонстрируют достаточно высокий уровень толерантности к представителям других этнических субкультур: они позитивно относятся к наличию в составе объединений детей разных национальностей (входящая диагностика КТ₅ = 3,9; исходящая диагностика КТ₅ = 4,2), эмоционально принимают их особенности (входящая диагностика ЭТ₅ = 3,65; исходящая диагностика ЭТ₅ = 4), дружат со сверстниками разных национальностей (входящая диагностика ПТ₅ = 3,7; исходящая диагностика ПТ₅ = 3,9). Крайне редки подростки (2 %), которые демонстрируют интолерантность к представителям контактных этнических субкультур.

Необходимо отметить также достаточно высокие когнитивный и эмоциональный уровни сформированности этнокультурной идентичности воспитанников. Подростки считают, что они знают обычаи и традиции своего народа (входящая диагностика КИ₅ = 3,55; исходящая диагностика КИ₅ = 3,7), гордятся принадлежностью к своей нации (входящая диагностика ЭИ₅ = 3,8; исходящая диагностика ЭИ₅ = 4,2). Вместе с тем 7 % подростков считают, что они недостаточно хорошо знают присущие своей этнической культуре традиции и обычаи. Более низкий средний балл поведенческого уровня (ПИ₅ = 3,1) свидетельствует о том, что не все воспитанники объединений ориентируются в своем поведении на принятые в этнической культуре традиции и нормы. В результате реализации воспитательной программы ДЮОЦ № 3 повысился средний балл на поведенческом уровне (ПИ₅ = 4), то есть воспитанники объединений стали более ориентироваться на принятие в этнической культуре традиций и норм.

Наличие представителей различных конфессий в объединениях УДОД связано с двумя причинами: наличием представителей этнических культур, традиционно принадлежащих к разным *религиозным конфессиям* (прежде всего православной и мусульманской), а также с тенденцией конфессионализации общества и повышения роли конфессий в духовно-нравственном воспитании молодежи. Большая часть воспитанников УДОД понимает и принимает многоконфессиональность современного общества (КТ₆ = 3,8), старается проявлять веротерпимость в своем поведении и отношении к верующим людям (ПТ₆ = 3,4; ЭП₆ = 3,8). Но эти заявления недостаточно подкрепляются стремлением знать особенности других религий. 31 % воспитанников продемонстрировали, что им не интересны эти особенности. В связи с этим многие воспитательные мероприятия были направлены на духовно-нравственное воспитание: «Рождественская звезда», «Обычаи и обыряды народов Поволжья», «Возродим Русь святую» и др.

В качестве общего вывода необходимо отметить, что показатель сформированности *этнокультурной идентичности и толерантности* воспитанников повысился по сравнению с входящей диагностикой, на когнитивном, эмоциональном и, в особенности, на поведенческом уровнях.

Исходя из результатов исследования были разработаны и реализованы следующие программы: тренинг для подростков «Будь собой и позволь другим быть другими»; программа «Подготовка педагогов к реализации поликультурного подхода в социальном воспитании детей и подростков»; «Программа по созданию условий для поликультурного воспитания в «ДЮЦ № 3» на 2013–2018 годы» [3].

Обучение воспитанников и педагогов по данным программам принесло определенные результаты, которые были проанализированы выше.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что обучение педагогов по разработанной авторами программе способствовало развитию их профессиональной компетентности в вопросах реализации поликультурного подхода в социальном воспитании детей и подростков, формированию этнокультурной идентичности и толерантности как у самих педагогов дополнительного образования, так и у воспитанников УДОД.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Евлешина, Н. А. Поликультурный подход в социальном воспитании / Н. А. Евлешина, Н. Н. Никитина, И. Т. Сулейманов, В. Р. Ясницкая // Вестник Российского научного гуманитарного фонда. – 2010. – № 4 (61). – С. 105–114.
2. Мудрик, А. В. Социализация вчера и сегодня / А. В. Мудрик. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 432 с.
3. Шустова, Л. П. Поликультурный подход в учреждениях дополнительного образования : методическое пособие / Л. П. Шустова, В. В. Гриценко, О. Г. Никитина, Н. С. Бодина ; под общ. ред. Л. П. Шустовой. – Ульяновск : УИПКПРО, 2015. – 156 с.

УДК 316.334.2

ББК 65.261

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ ВОЛГОГРАДСКИХ ШКОЛЬНИКОВ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА

FINANCIAL LITERACY VOLGOGRAD SCHOOLCHILDREN: THE EXPERIENCE OF PROJECT IMPLEMENTATION

ПОЛТАВСКАЯ Мария Борисовна

Волгоградский государственный
университет, Волгоград, Россия
E-mail: poltavskaya@volsu.ru

ГАРЧЕНКО Марина Николаевна

МОУ СШ № 100 Кировского района
г. Волгограда, Волгоград, Россия

E-mail: marinagarchenko@yandex.ru

КОЗЛОВА Светлана Ивановна

МОУ СШ № 100 Кировского района
г. Волгограда, Волгоград, Россия

E-mail: kozzzlowa@mail.ru

POLTAVSKAYA Mariya B.

Volgograd State University, Volgograd,
Russia
E-mail: poltavskaya@volsu.ru

GARCHENKO Marina N.

Municipal Educational Institution «Secondary
School № 100 of the Kirov district of
Volgograd», Volgograd, Russia
E-mail: marinagarchenko@yandex.ru

KOZLOVA Svetlana I.

Municipal Educational Institution «Secondary
School № 100 of the Kirov district of
Volgograd», Volgograd, Russia, Russia
E-mail: kozzzlowa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена апробации образовательных программ и учебных материалов по финансовой грамотности в рамках проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» в 2015/2016 учебном году на примере МОУ СШ № 100 Кировского района г. Волгограда.

Ключевые слова: финансы, финансовая грамотность, обучающиеся, школа, школьники.

Abstract. The article is devoted to the approbation of educational programs and training materials on financial literacy in the framework of the project «Enhancing financial literacy and developing financial education in the Russian Federation» in 2015/2016 for example secondary school № 100 of the Kirov district of Volgograd.

Keywords: finance, financial literacy, learners, school, school student.

Потребность в повышении финансовой грамотности школьников в условиях стремительных изменений финансовой сферы российского общества является насущной. В 2010 г. Министерством финансов РФ был запущен проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», рассчитанный на пять лет (до 2016 г.). Волгоградская область подключилась к проекту, приняв долгосрочную целевую программу «Повышение уровня финансовой грамотности населения и развитие финансового образования в Волгоградской области на 2011–2015 годы», а также региональную программу «Повышение уровня финансовой грамотности населения в Волгоградской области» на 2014–2016 годы [1]. Можно констатировать, что исследования, направленные на изучение состояния финансовой грамотности школьников, оценку ее уровня, весьма востребованы.

О финансовой грамотности населения в целом проведено гораздо больше исследований, чем о грамотности в этой сфере школьников. О финансовой грамотности молодежи выпущены исследования О. Е. Кузиной [2], М. Э. Паатовой, М. Ш. Дауровой [3]. Работы М. И. Подболотовой, Н. В. Деминой посвящены финансовой грамотности выпускников общеобразовательных школ [4]. Методологическими и методическими вопросами финансовой грамотности занимается М. Ю. Шевяков [5].

В рамках проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» в 2015/2016 учебном году в пяти регионах Российской Федерации проводилась апробация дополнительных образовательных программ и учебных материалов по финансовой грамотности, подготовленных московским издательством «ВИТА-ПРЕСС» для учащихся общеобразовательных учреждений и образовательных учреждений среднего профессионального образования.

В муниципальном общеобразовательном учреждении «Средняя школа № 100 Кировского района Волгограда» в федеральной апробации, проходившей с сентября по декабрь 2015 года, приняли участие два педагога и 120 учащихся 2, 4, 5, 8-х классов.

Как известно, дети еще в раннем возрасте знакомятся с тем, что такое деньги; игра в магазин – одна из любимых игр дошкольников; дети слышат разговоры о деньгах дома, по телевизору, на улице. Именно в начальной школе у детей формируется отношение к деньгам.

После поступления ребенка в школу игра превращается в реальность. В школе у детей появляется постоянный соблазн и возможность купить что-

то в столовой. Учителя начальных классов отмечают, что многие учащиеся не могут посчитать необходимую сумму покупки и сдачу, которую они должны получить.

Развивая творческую инициативу школьников, направленную на формирование социальных и экономических компетенций, нами были проведены мероприятия, способствующие повышению мотивации к изучению основ финансовой грамотности.

Старт апробации УМК в школе был дан 8 сентября – в день проведения Всероссийской акции «День финансовой грамотности в учебных заведениях». Был приглашен менеджер «Сбербанка России» с лекцией «Как распорядиться правильно личным бюджетом». Для учащихся 4–5 классов был проведен КВН «Знания-деньги». Готовясь к мероприятию, школьники обсуждали дома, как можно сэкономить денежные средства и как увеличить доходы семьи, когда семья испытывает материальные трудности. Одним из заданий было найти в известных сказках примеры товарно-денежных отношений и объяснить, в чем состоит экономический смысл сказки. Командам было дано задание вспомнить пословицы и поговорки, в которых затрагиваются вопросы экономики.

В дни проведения второй Всероссийской недели финансовой грамотности для детей и молодежи были организованы и проведены следующие мероприятия: заседание «Клуба социологии финансового поведения», на который был приглашен преподаватель вуза; заседание «Клуба финансовой журналистики» под руководством главного редактора школьной газеты «Сила поколения» Е. Г. Романовой; конкурс эссе «Зачем платить налоги» для обучающихся 8-х классов; родительское собрание «Финансовая грамотность – залог успешной жизни», которое прошло в виде «круглого стола». Родители и учителя рассуждали о необходимости обучения учащихся грамотному обращению с финансами. Наиболее острая дискуссия развернулась по вопросу карманных денег. Родителей познакомили с новой тенденцией на рынке финансовых услуг – банковской картой для детей. Родителям были вручены памятки по финансовому воспитанию детей.

Помимо этих мероприятий были также проведены: посещение ОАО «Сбербанк России» и экскурсия «Профессия – финансист»; обучающая игра «Сберегая сегодня, помогаешь себе завтра». Цель игры: научить учащихся рационально использовать свои доходы и расходы и уметь приумножать свои сбережения. Команды готовились к игре как семьи – фамилия, распределение членов семьи, их представление главой семьи. Были подготовлены макеты для оформления итогового отчета – коллажа по итогам игры, таблицы с данными по доходам и расходам семей, задачи по расчетам процентных ставок по кредитам и депозитам. Команды учащихся составляли семейный бюджет, предлагали способы экономии и дополнительных доходов в бюджет.

Была также проведена деловая игра совместно с родителями «Учимся делать покупки» с целью формирования и закрепления у учащихся умения выбирать нужные товары, считать сдачу, развития математических способ-

ностей, внимания, бережливости. Проводить игру помогали родители учащиеся.

Среди других мероприятий: конкурс рисунков «Что такое деньги и откуда они взялись» был организован для ребят 2-х классов; встреча со специалистом аналитического отдела Фонда «Институт экономических и социальных исследований» на тему семейного бюджета; просмотр видеолекции «Финансовая грамотность: научитесь считать свои деньги».

В дни проведения второй Всероссийской недели финансовой грамотности для детей и молодежи в Волгограде был организован II региональный конкурс «Финансовая грамотность молодежи». Ученики школы приняли активное участие в номинациях конкурса, подготовив мультимедийный ролик «Деньги – это серьезно», эссе «Деньги – это серьезно, чтобы относиться к ним легкомысленно», сказку «Два брата» и рисунки на тему «Мой кошелек». В номинации «Учебные материалы для школьников и взрослых» была представлена методическая разработка внеклассного мероприятия «КВН «Знания – деньги», занявшая в конкурсе второе место.

Во время работы летнего лагеря «Бригантина» с дневным пребыванием детей при МОУ СШ № 100 в июне 2016 г. был проведен тематический день «Экономическая игротека». Школьники путешествовали по островам волшебной страны Фингрия. Они фантазировали о том, как искупаются в реке Финансов, поднимаются на гору Цен, полюбуются гейзерами Доходов и водопадом Расходов, заглянут в пещеру Страхов, встретятся с пиратами и по тропе Самозащиты попадут на поляну Благополучия. На каждом из островов им предстояло освоить новые экономические знания и умения. Воспитатели рассказали им о том, из чего складывается бюджет семьи, о заработной плате и профессиях, как правильно определять свои потребности и совершать обдуманные покупки.

Материалы для апробации курса финансовой грамотности представлены пособиями для учащихся, пособиями для родителей, методическими материалами для учителя. В пособиях для учащихся представлен материал о сложном мире денег и основных правилах поведения человека в нем. Подробно объясняется, откуда берутся доходы семьи, что такое семейный бюджет и почему важно его правильно планировать. Значительное место отводится защите человека от риска потери денег и имущества, взаимодействию государства и семьи, возможности улучшения финансового состояния человека за счет организации собственного бизнеса. Пособие написано легким, хорошо понятным языком и может служить основой для проведения занятий в классе, подготовки самостоятельных проектов и решения финансовых задач совместно с родителями.

Методический аппарат пособия для учащихся составляют: вопросы и задания внутри учебного текста; вопросы и задания, завершающие изложение материала по теме или разделу; иллюстративный материал, оснащенный вопросами и пояснениями; дополнительный материал, представленный врезками, фрагментами адаптированных и неадаптированных текстов с вопросами и заданиями к ним.

В учебнике «Финансовая грамотность», изучая тему «Как заставить деньги слушаться, или Что такое семейный бюджет», был предложен ряд интересных заданий: придумать и изготовить свои деньги, создать обучающий фильм для учащихся начальной школы о том, зачем нужно вести семейный бюджет, провести исследование на основе социологического опроса «На что тратили свои заработки ваши дедушки и бабушки во времена Советского Союза», обсудить с родителями, какие налоги уплачиваются в вашей семье и т. д.

Материалы для родителей содержат значительный объем информации для самообразования и совместной работы с детьми. Например, в пособии для родителей 2–4-х классов рассказывается о детском банкинге – новой тенденции на рынке финансовых услуг – банковской карте для детей.

В материалах для родителей дается много полезных советов как для взрослых, так и для детей: например «На что обратить внимание при оформлении трудовых отношений», «Как определить, стоит ли брать кредит для решения своих финансовых задач», «Как оптимизировать семейный бюджет»). В конце каждой главы предлагается выполнить проекты.

Опыт апробации учебных материалов показал, что в контрольно-измерительных материалах для 2 класса не все задания соответствуют возрасту учащихся. Кроме того, материал, предлагаемый в пособии для учащихся, достаточно объемный. Примеры семейного бюджета недостаточно корректные, а доходы, о которых идет речь в учебных примерах, превышают средний уровень заработной платы обычной семьи.

В пособии для родителей дается большое количество специальной терминологии и заданий, которые не всегда понятны родителям. Например, компетенции, кейс, постер. В методических рекомендациях для учителя, в учебном пособии для детей и в материалах для родителей при изучении одной темы нет согласованности в предлагаемых заданиях.

Авторы статьи считают, что более эффективно мотивировать школьников постигать финансовую грамотность на занятиях, проводимых в форме КВН, обучающих игр, викторин, конкурсов.

Результатом изучения курса «Финансовая грамотность» в 2015/2016 учебном году стало: овладение начальными навыками адаптации в мире финансовых отношений, развитие экономического образа мышления; приобретение опыта применения полученных знаний и умений для решения элементарных вопросов в области экономики семьи; развитие кругозора в области экономической жизни общества и формирование познавательного интереса к изучению общественных дисциплин; воспитание самостоятельности и личной ответственности за свои поступки, составление собственного бюджета. В следующем учебном году в МОУ СШ № 100 г. Волгограда продолжится изучение основ финансовой грамотности в рамках дополнительного образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Долгосрочная целевая программа «Повышение уровня финансовой грамотности населения и развитие финансового образования в Волгоградской области на 2011–2015 годы». – Режим доступа: <http://volgafin.volgnet.ru/upload/iblock/208/FINGRAM.pdf> (Дата обращения 25.09.2016)

2. Кузина, О. Е. Финансовая грамотность молодежи / О. Е. Кузина // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – № 4 (92). – С. 157–177.
3. Паатова, М. Э. Финансовая грамотность детей и молодежи как актуальная задача современного образования / М. Э. Паатова, М. Ш. Даурова // Вектор науки ТГУ. – 2014. – № 2(28). – С. 173–175.
4. Подболотова, М. И. Финансовая грамотность как компетентность выпускника общеобразовательной школы: структура и содержание / М. И. Подболотова, Н. В. Демина // Академический вестник. – 2014. – № 1 (14). – С. 10–16.
5. Шевяков, М. Ю. Перспективы изменения финансового поведения в результате повышения уровня финансовой грамотности / М. Ю. Шевяков, Н. Евсеева // Бюджет и финансы: финансовая грамотность. – 2011. – № 1 (10–11). – С. 30–35.

УДК 811.161.1

ББК Ш141.2

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

RUSSIAN LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION STUDENTS FROM THE NEAR ABROAD IN TECHNICAL UNIVERSITIES

СИДОРОВА Татьяна Леонидовна

Волгоградский государственный
технический университет, Волгоград, Россия
E-mail: cars@vstu.ru

БЕЛЯКОВА Лариса Федоровна

Волгоградский государственный
технический университет, Волгоград, Россия
E-mail: cars@vstu.ru

SIDOROVA Tatyana L.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: cars@vstu.ru

Belyakova Larisa F.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: cars@vstu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам преподавания русского языка студентам стран ближнего зарубежья в техническом вузе.

Ключевые слова: русский язык, межнациональное общение, русская литература.

Abstract. The article is devoted to major trends in teaching Russian to foreign students from the near abroad in technical universities.

Keywords: Russian language, interethnic communication, Russian literature.

Состояние русского языка в последнее время вызывает особую тревогу и обеспокоенность. Забота о русской словесности должна быть центральной темой политических, социально-культурных и образовательных проектов. Недостаток внимания к речевой культуре и орфографической грамотности может привести к необратимым трагическим цивилизационным последствиям.

На нашей маленькой планете обострены цивилизационные конфликты, народы и государства сталкиваются в братоубийственной сечи, взаимопонимание в политических спорах стремится к нулю.

Необходимо централизованно заниматься поддержкой русского языка и русской литературы на всех уровнях и направлениях российского образования, в том числе и технического. Уважение и любовь к Отечеству, к своему языку, к традициям нашего многонационального народа воспитывает в мо-

лодых людях уважение и к личности иной национальности и иного вероисповедания, к устоям многообразных национальных культур.

Распространению опыта образовательной и культурно-просветительской деятельности по формированию российской гражданской идентичности способствует региональная научно-практическая конференция «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие», которая уже несколько лет проводится в Волгоградском государственном техническом университете [1]. Интерес к конференции вызван сложными противоречиями нашего времени: геополитического, межнационального и межконфессионального характера; задачами региона в области национальной политики; повышением воспитательной роли образования, в том числе и технического.

В Волгоградском государственном техническом университете (ВолГТУ), опорном техническом университете Юга России, с каждым годом увеличивается количество студентов, прибывающих из стран ближнего зарубежья. Учащиеся, которые хотят получить высшее техническое образование в Российской Федерации, приезжают в основном из среднеазиатских стран – бывших республик в составе СССР: Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана.

Преподавание русского языка в качестве иностранного (РКИ) студентам инженерного профиля, прибывшим из-за рубежа, ориентировано прежде всего на формирование у них основных языковых, речевых и коммуникативных компетенций, необходимых для учебы в техническом вузе. Коммуникативные потребности студентов предполагают овладение умениями и навыками в разных сферах речевого общения. Практическое владение русским языком необходимо не только для получения знаний по естественно-научным, математическим и социально-экономическим дисциплинам, но и для получения информации в области гуманитарных дисциплин, что способствует активному общению в полиэтнической образовательной среде, проявлению инициативности в социально-общественной жизни университета и участию в культурно-политической жизни города-героя Волгограда [2].

Все иностранные студенты 1 курса проходят сертификационное тестирование по русскому языку как иностранному ТРКИ-1 (Пороговый уровень В1). Данный уровень владения русским языком предполагает реализацию основных коммуникативных потребностей в конкретных ситуациях общения в учебной, бытовой и социально-культурной сферах.

Результаты тестирования выявляют степень владения языком каждого студента на этапе стартового обучения в техническом университете с обязательным изучением русского языка в течение двух или трех лет. Изучение предусмотрено соответствующими образовательными стандартами ФГОС 3+, где в разделе «V. Требования к результатам освоения программы бакалавриата» содержится описание общекультурной компетенции под номером 5 – «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5)» [3].

Среди студентов, прибывающих из стран ближнего зарубежья, много русских и русскоязычных молодых людей, которые учились в русских школах и для которых русский язык был языком общения в семье, языком русской литературы, языком доступных средств информации. Наряду с русским языком эти студенты владеют национальными языками своих государств и диалектами национального языка.

Радует и поражает их владение русским языком, соблюдение современных языковых норм, отсутствие в речи жаргонизированных элементов, слов-паразитов и бранной лексики. Справились студенты первого курса и с тестом на проверку орфографической и пунктуационной грамотности. Многие магистранты университета, писавшие в это же время диктант по известному тексту Дмитрия Быкова «Орфография как закон природы», не справились даже с написанием слова «интеллигентность», а название диктанта «Арфография» привело в ужас проверяющих [4].

Для студентов из стран ближнего зарубежья, хорошо знающих русский язык, кафедра русского языка ведет курс «Русская словесность и культура речи», помогающий студентам адаптироваться в социально-речевой ситуации образовательного пространства опорного университета, обозначить связь с культурой мышления и культурой поведения. Курс очерчивает нравственный облик личности студента, влияет на эффективность ее коммуникативной деятельности [5].

Содержание разделов курса определено программой, видами учебной и самостоятельной работы. Среди основных тем можно назвать темы: «Культура научной и профессиональной речи»; «Русский речевой этикет»; «Официально-деловой стиль»; «Правила оформления деловых бумаг»; «Основные направления совершенствования грамотного письма»; «Оформление квалификационной научной работы»; «Русская литература и национальная литература государств ближнего зарубежья».

Степень владения русским языком и объем культурологических знаний, в том числе в области русской литературы, обусловлены региональными, социальными, образовательными, прагматическими составляющими национальной политики стран студентов, во многих из которых вытеснение русского языка в последние годы резко ограничило информационное, образовательное и культурное пространство их жизни в собственной стране [6].

Студенты стран ближнего зарубежья, исторически тесно связанных с Россией, станут специалистами и, возможно, сохранят самые тесные контакты с городом Волгоградом и со страной своего образования. Они будут представлять выпускников опорного университета Юга России, по ним будут судить о российской технической интеллигенции.

Русский язык для студентов из стран ближнего зарубежья, особенно для русскоязычных студентов – это язык нашего исторического прошлого, язык нашей памяти, нашей дружбы, нашей общей многонациональной литературы. Это язык правды, надежды и любви.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильева, В. Д. Социокультурная среда вуза – условие формирования профессиональной культуры специалиста / В. Д. Васильева, Р. М. Петрунева // Высшее образование в России. – 2011. – № 6. – С. 113–117.
2. Белякова, Л. Ф. Олимпиада по русскому языку как иностранному в изменившихся условиях обучения / Л. Ф. Белякова, Н. А. Аверьянова, Т. Л. Сидорова // Актуальные вопросы профессионального образования. – 2015. – № 1 (декабрь). – С. 80–86.
3. Сидорова, Т. Л. Общекультурные компетенции и культура речи / Т. Л. Сидорова // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 3 (90) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2012. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 10). – С. 145–147.
4. Белякова, Л. Ф. Речевая культура студентов технического вуза / Л. Ф. Белякова, Т. Л. Сидорова, Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева // Высшее образование в России. – 2016. – № 6. – С. 154–161.
5. Сидорова, Т. Л. Русский язык в аудитории студентов стран ближнего зарубежья в техническом вузе / Т. Л. Сидорова, Л. Ф. Белякова // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 8 (171) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 22). – С. 75–77.
6. Белякова, Л. Ф. Речевая культура в образовательном пространстве технического вуза / Л. Ф. Белякова, Т. Л. Сидорова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: матер. XXIII Междунар. научно.-практ. конф., 30 июня 2015 г. / Ин-т стратегических исследований. – М., 2015. – С. 139–142.

УДК 37.017.4
ББК 74.580.051

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ВУЗЕ

PATRIOTIC EDUCATION OF A PERSON AT MODERN MULTINATIONAL UNIVERSITY

МАШЕНЦЕВА Натэлла Валерьевна
Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия
E-mail: mnvrudn@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу необходимых педагогических условий, способствующих патриотическому воспитанию личности в современном многонациональном вузе.

Ключевые слова: педагогические условия, межнациональное взаимодействие, межконфессиональное взаимодействие, патриотическое воспитание личности, культура патриотизма, многонациональный вуз, толерантность.

MASHENTSEVA Natella V.
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia
E-mail: mnvrudn@mail.ru

Abstract. Article is devoted the analysis the necessary of the pedagogical conditions contributing to the patriotic education of a person at modern multinational University.

Keywords: pedagogical conditions, interethnic interaction, patriotic education of a person, the culture of patriotism, multinational University, tolerance.

С развитием процесса интеграции российского образования в мировое и европейское образовательное пространство возрастает количество вузов, активно привлекающих иностранных абитуриентов к обучению в России.

Образовательная среда вуза с увеличением числа иностранных студентов претерпевает социокультурные изменения, что, бесспорно, оказывает влияние на педагогический процесс и педагогические условия воспитания личности.

Современная педагогическая наука находится в постоянном поиске успешных практик патриотического воспитания, изучает роль образовательных учреждений высшего образования в процессе подготовки не только специалиста-профессионала, но и гражданина-патриота. Анализ ряда практик патриотического воспитания студентов показывает, что в вузах накоплен определенный опыт в этом направлении деятельности. Наряду с этим имеется ряд существенных проблем. Современное образование часто направляет свои ресурсы не на развитие нравственной, духовной сферы молодого гражданина общества, а на формирование успешного человека, ориентированного на пользу вне общественного контекста. В теоретическом и методологическом плане недостаточно разработанными остаются педагогические модели патриотического воспитания. Мало исследованной является также проблема создания необходимых педагогических условий патриотического воспитания обучающихся в системе высшего образования в многонациональном вузе.

Надо признать, что эффективность патриотического воспитания личности в значительной мере находится вне педагогических усилий вузов и зависит от социально-политических реалий общества. Любые глобальные проблемы, с которыми сталкивается общество, неизбежно сказываются и на состоянии системы образования.

В настоящее время созданы практические предпосылки для решения проблем патриотического воспитания личности на государственном уровне. К ним можно отнести усиление внимания к воспитанию на государственном уровне, о чем свидетельствуют принятые Правительством РФ «Государственная программа патриотического воспитания граждан РФ до 2020 г.», а также «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.», в которых патриотическое воспитание рассматривается как один из важнейших элементов воспитания в системе образования.

Патриотическое воспитание в системе образования направлено на использование всех условий для социализации позитивно направленной личности гражданина – патриота России, способной самореализоваться в процессе решения целого комплекса проблем, преодоления многих негативных явлений и тенденций, характерных для современного этапа развития нашего общества, того духовно-нравственного, идеологического и особенно патриотического вакуума, который столь глубоко отразился на сознании и чувствах подрастающего поколения, на ухудшении качественных характеристик его личности [1, с. 46].

Воспитательная работа в вузе является мощным инструментом формирования гражданско-патриотических ориентиров личности, гармонизации межнациональных отношений.

Несомненно, что выбор педагогической модели и педагогических условий патриотического воспитания личности зависит от сформированной в вузе социокультурной среды.

Социокультурная среда вуза оказывает интегративное влияние на процесс личностного становления обучающихся, это – специально организованное пространство для культурного саморазвития и самореализации обучающихся. Ее инфраструктура детерминирована особенностями многонационального контингента обучающихся и многообразием их ценностных установок, жизненных принципов, способов культурной и религиозной самоидентификации [2, с. 132].

Социокультурная среда современного многонационального вуза должна быть средой, воспитывающей толерантность, влиять на формирование межнационального и межконфессионального взаимодействия в студенческом коллективе при сохранении этнической идентичности обучающихся. Это необходимо для успешной жизнедеятельности личности в многонациональном государстве и для ее успешной адаптации в глобальном мировом сообществе.

Основными признаками этнической идентичности личности можно считать: владение родным языком; освоение духовной культуры этноса (верований, научных знаний, нравственных норм, художественных достижений и др.); следование национальным традициям, обрядам, праздникам.

В современном многонациональном вузе посредством постоянного взаимодействия в учебной и внеучебной деятельности у обучающихся формируется толерантное отношение к гражданско-патриотическим идеалам, культуре других наций и народностей.

Как считал русский философ и педагог С. И. Гессен, прежде всего, воспитание, в какой бы форме оно ни осуществлялось, должно включать этническую составляющую, ориентацию на усвоение и сохранение национальных традиций, достижений национальной культуры. Это позволяет уберечься от опасностей узкого национализма, с одной стороны, и приобщает молодого человека к историческому опыту его народа, развивает здоровое чувство национальной гордости, патриотизма, долга перед Родиной, с другой стороны [3, с. 354].

Воспитательный потенциал образовательной организации высшего образования обеспечивается содержанием внеучебной деятельности и учебного материала, изучаемого обучающимися в процессе гуманитарного образования. В нем сочетаются исторический и социокультурный опыт развития общества, образцы подлинной нравственности, духовности, патриотизма, гражданственности, служения Отечеству. Он направлен на воспитание у обучающихся базовых социально-деятельностных позитивных качеств: современного научного мировоззрения, патриотических убеждений, гражданской позиции, нравственного сознания, готовности к достойному служению своему Отечеству.

В контексте развития современных общественных процессов, патриотическое воспитание обучающихся должно быть направлено на формирова-

ние гражданских позиций и стремление личности к служению Отечеству на основе единства личностных, коллективных, общественных и государственных интересов, что, в свою очередь, является атрибутивными характеристиками развитого гражданского общества. Духовными регуляторами патриотизма выступают любовь к родной земле, достойное исполнение своего долга, помощи ближним и др.

Созвучное понимание патриотизма, было предложено лордом Д. Актоном, согласно которому «величайшее проявление подлинного патриотизма, перерастание естественного эгоизма в жертвенность есть продукт политической жизни. Это чувство долга, доставляемое принадлежностью к племени, не полностью свободно от своей изначальной себялюбивой инстинктивной основы; любовь к родине, точно так же, как и любовь супружеская, имеет под собою в одно и то же время и материальный, и нравственный фундамент» [4, с. 46].

В соответствии с таким определением понятия «патриотизм», в вузе должны быть созданы педагогические условия патриотического воспитания обучающихся, не зависимо от их национальной принадлежности, направленные на формирование готовности к служению своему Отечеству, в том числе через успешную профессиональную деятельность.

Под педагогическими условиями патриотического воспитания личности обучающихся вуза понимаются: целенаправленно организованная преподавателем педагогическая среда, система педагогических средств, комплекс педагогических взаимодействий.

Педагогическими условиями патриотического воспитания личности обучающихся вуза можно считать:

- наличие структурно-функциональной модели воспитания патриотизма, представляющей собой единство взаимосвязанных элементов (гуманитарные дисциплины, смыслообразующая деятельность студентов в процессе образования, показатели патриотизма и критерии качества профессиональной подготовки обучающегося – человека культуры, гражданина, патриота, нравственно ответственной личности компетентного специалиста);
- система средств патриотического воспитания обучающихся в образовательных учреждениях высшего образования;
- система образовательно-воспитательных ситуаций развития субъектности обучающегося в воспитании патриотизма;
- комплекс учебно-методического обеспечения патриотического воспитания личности в современном вузе.

При формировании педагогических условий патриотического воспитания личности важно учитывать особенности эмоциональной сферы психики человека. Особая роль принадлежит воспитанию чувства любви к своим близким, месту рождения и проживания, Родине, гордости за этническую и национальную принадлежность, героическую историю народа, толерантности к культуре других народов и т. д.

По результатам опроса, проведенного на статистически значимой выборке обучающихся Российского университета дружбы народов в 2016 г.:

82 % опрошенных считает себя патриотом своей страны, более 66 % из них заинтересованы в деятельности по избранной профессии. Но, в целом по выборке, у более 80 % опрошенных отмечается низкая персональная потребность в соотношении своих профессиональных интересов с интересами общества и государства, в тоже время более 50 % считает, что в государстве должны сохраняться и развиваться традиции патриотизма и служения Отечеству. Это подтверждает социальную необходимость и практическую значимость патриотического воспитания личности обучающихся в вузе.

Движущей силой воспитания патриотизма является не само по себе присвоение личностью социокультурного опыта служения Отечеству, а общественно заданные, социально и нормативно закреплённые модели поведения и взаимодействия. Культура патриотизма перестаёт быть внешней средой, к которой должен адаптироваться молодой человек [5, с. 22].

Важным фактором, положительно влияющим на процесс патриотического воспитания личности в многонациональном вузе, является социально значимая деятельность обучающихся, участие в деятельности студенческих национальных и интернациональных объединений, что позволяет обучающимся сформировать положительный личностный опыт, активную «я-позицию» гражданина и патриота своей страны, уважающего и сохраняющего собственную национальную культуру и традиции, а также уважающего культурное наследие других стран и народов, готового к диалогу культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Машенцева, Н. В. Некоторые основы формирования современной системы патриотического воспитания молодежи и ее ценностных ориентиров / Н. В. Машенцева, Е. В. Ануфриева // *Primo Aspectu*. – 2015. – Т. 24. – № 10 (174). – С. 43–47.
2. Машенцева, Н. В. Социокультурная среда вуза как основа межнационального и межконфессионального взаимодействия / Н. В. Машенцева // *Primo Aspectu*. – 2014. – Т. 17. – № 13 (140). – С. 132–133. – Режим доступа : <https://mail.rambler.ru/m/redirect?url=http%3A//elibrary.ru/item.asp%3Fid%3D16032632&hash=acd06c515e9ca8a3f1695c08f288d9203>.
3. Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен ; отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
4. Актон, Л. Принцип национального самоопределения // *Нации и национализм* / Л. Актон, Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. ; пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – С. 26–52.
5. Кусмарцев, М. Б. Патриотическое воспитание учащейся молодежи: теория и практика : монография / М. Б. Кусмарцев, Н. В. Машенцева. – Волгоград : ПринТерра, 2007. – 212 с.

УДК 172.15
ББК 87.73

К ВОПРОСУ О ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

THE ISSUE OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

РУССУ Оксана Дмитриевна
Международный юридический
институт (Волжский филиал),
Волжский, Россия
E-mail: od_russu@mail.ru

Russu Oksana D.
International Law Institute
(Volzhsky affiliate),
Volzhsky, Russia
E-mail: od_russu@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена проблеме патриотического воспитания молодежи в современной России, а также условиям, способствующим формированию чувства патриотизма.*

Ключевые слова: патриотизм, воспитание, образование, ценность.

Abstract. *The article is devoted to the issue about the promotion of patriotism among young people in modern Russia.*

Keywords: patriotism, promotion, education, value.

В условиях полиэтничности и поликонфессиональности современной России проблема патриотического воспитания является одной из самых острых и обсуждаемых проблем как в научных, так и общественных кругах. Патриотизм не просто выражает любовь к Отчизне. Именно патриотизм служит укреплению и развитию государства, препятствует возникновению и распространению экстремизма и терроризма в стране. Это некая нравственная сила, которая является источником героизма, мужества и благородства.

Проблема воспитания патриотизма молодежи имеет многовековую историю. Одно из первых упоминаний о патриотизме как элементе общественной жизни встречается в «Повести временных лет», «Русской правде», «Слове о полку Игореве». Произведения прославляют защитников Отечества, осуждают междоусобицы и призывают к объединению на основе служения Отечеству. Далее вопросы патриотического воспитания активно обсуждаются в петровскую эпоху. Русский государственный деятель и историк В. Н. Татищев подчеркивал, что молодежи «нужно знать законы гражданские и воинские своего Отечества» [12, с. 81–83].

Определенный вклад в разработку проблем патриотического воспитания внес отечественный мыслитель А.Н. Радищев. В своей работе «Беседа о том, что есть сын Отечества» мыслитель раскрывает содержание понятия «патриот», называя отличительные признаки сына Отечества: честолюбие (любовь к чести), трудолюбие, прилежание, повиновение, скромность, умное сострадание, любовь к Отечеству, законопослушность [11, с. 379–380]. Эпохе Петра принадлежит заслуга придания патриотическому воспитанию системного характера. Содержание патриотического воспитания в указанную эпоху включало в себя любовь к Отечеству, учет исторических традиций, укрепление патриотизма на основе православия.

Достаточно активно проблема обсуждалась в трудах отечественных мыслителей XVIII–XIX вв. (Н. М. Карамзина, Б. Г. Белинского, П. Пестеля, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и др.), рассматривающих патриотизм как основание для формирования таких ценностей, как честь, достоинство, долг, любовь к человеку в целом, не зависимо от его этнической принадлежности. Подобного рода размышления сохраняют свою актуальность и сегодня. «Патриотизм... отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только ему может быть полезен. Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народам...» [9, с. 484].

В начале двадцатого столетия по мере образования советского государства складывается новое понимание советского социалистического патриотизма в рамках тотального господства коммунистической идеологии и полной ликвидации инакомыслия. В трудах марксизма-ленинизма подробно рассматриваются вопросы происхождения и развития патриотизма, подчеркивается его классово-исторический характер.

Повышенное внимание к проблеме патриотизма сегодня далеко не случайно. В условиях современного развития России идея патриотизма должна стать тем остовом, вокруг которого формируются убеждения, чувства, устремления личности. Патриотизм содержит в себе общечеловеческие ценности и идеалы, делающие индивида полноценным членом социума. Патриот – это человек, служащий своей родине, любящий ее, осознающий ее величие и славу. «Любить свою Родину значит – пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества...» [1, с. 489]. Понятие «родины» многогранно настолько, что его нельзя определить одним словом или даже фразой. Как правило, это страна, где родился и вырос человек, это культура, созданная народом, традиции. Родина – это место, где человек провел лучшие годы своей жизни, детские годы; это его судьба, к которой он ощущает свою сопричастность.

Патриотизм формируется на основе высокой духовности, и в определенной степени отражает гордость за культурное наследие страны, желание не просто сохранить, но и приумножить его. Большинство русских мыслителей связывали патриотизм с духовностью человека. «Патриотическое единение людей имеет в корне духовную природу, слагаясь и протекая в формах права и государства...» [6].

В условиях духовного кризиса России, когда ценности современной российской молодежи сместились в сторону материальных, потребительских ценностей, а также в условиях вхождения страны в глобальное социокультурное пространство вопрос о формировании патриотизма становится ключевым. Более того, он начинает решаться на государственном уровне. 3 июля 2014 г. В. В. Путин, выступая на заседании Совета при Президенте по международным отношениям, подчеркнул: «Приоритеты государственной молодежной политики должны быть направлены на формирование

гармоничной личности, воспитание гражданина России – человека, в котором сочетается любовь к родине, этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, которые живут рядом» [3]. Процветание страны, выход из духовного кризиса возможен лишь при наличии гражданского самосознания, основанного на любви к своей стране. Патриотическое воспитание выступает необходимым условием не только сплочения и укрепления российского социума, но и обеспечения национальной безопасности.

Патриотическое чувство – это результат длительного целенаправленного воспитательного воздействия на человека. В вопросах воспитания патриотизма нельзя недооценивать значение народного творчества. Именно народное творчество позволяет детям в довольно доступной форме усвоить традиции, обычаи своего народа, его нравы и черты характера. Несмотря на процессы глобализации, Россия в большей степени относится к традиционному обществу, ориентированному на национальные ценности, воплощающиеся в духовности и религиозности русского народа. Чувство патриотизма должно органично воспитываться в течение всей жизни человека. Важная роль здесь отводится семье как институту первичной социализации. Именно семья способна привить маленькому человеку начальные понятия о любви к Родине, еще задолго до того, как он начнет понимать смысл слова «патриотизм». Одновременно и другие социальные институты должны принимать в процессе формирования чувства патриотизма самое активное участие, уделяя особое внимание молодежи как наиболее мобильной и инновационной части общества.

Нельзя не отметить роль православных духовных традиций в формировании патриотизма. В отечественной социально-философской мысли все чаще встречается мнение о том, что именно православие способствует формированию патриотизма и гражданского самосознания, а «расцвет Русского государства приходится на те периоды, когда в народе существовало церковное единство, скрепленное общей верой» [10, с. 52]. Церковь всегда выступала за единство и целостность России, оказывала достаточно сильное нравственно-организующее влияние, сдерживала государственную политику в русле эволюционных, ненасильственных вариантов развития общества. Российское общество воспринималось многими народами как земное воплощение единства Бога, человека, общины, этноса, государства, основанные на идеалах доброты, красоты, любви, милосердия. Любовь к Отечеству являлась доминантой российского менталитета. «Любовь к родине живет в душах в виде неразумной склонности, которая то совсем замирает и теряет свою силу, то вспыхивает слепой страстью, пожаром проснувшегося инстинкта, способного заглушить в душе и голос совести, и чувство меры и справедливости...» [5]. Патриотизм русского народа уникален, он коренится в душе русского человека и обусловлен историческим опытом, особенностями национального характера и влиянием православия.

Русская православная церковь проводит огромную работу по воспитанию патриотизма, что находит свое отражение не только в выступлениях

патриарха, в научно-богословских диспутах, в создании православных молодежных организаций, детских организаций, патриотических клубов, а также в просветительской деятельности, например, издательство книг по русской истории для детей, по истории Русской православной церкви. Подобного рода труды знакомят детей с основами православия, с историей страны, акцентируют внимание маленьких читателей на том, как Россия стала великой и могущественной державой. Короткие рассказы о славе и доблести русского народа, его великих деятелях способствуют формированию чувства уважения к земле русской, к героическому прошлому страны.

Русская Православная церковь заботится, прежде всего, о духовно-нравственном воспитании детей и молодежи. «Родить детей есть дело природы, а воспитать их в добродетели есть дело ума и воли. Дети будут довольно богаты, если получат хорошее воспитание, способное упорядочить их нравы и хорошо устроить их поведение» [7]. В условиях образовавшегося нравственного нигилизма, человек нуждается в идеалах, которые сделали бы осмысленным его существование, вдохновляли его на служение Отечеству. Этими идеалами как раз и полна наша история. Очевидно, необходимо привлекать традиционные для России религиозные конфессии, способствующие формированию потребности служения Отчизне, ее защиты как высшего долга.

Наряду с семьей, церковью большую роль в воспитании патриотического чувства играет образование. «Образование должно не только организовывать ум, способствовать не только расцвету личности, но и сделать ее способной к социальной жизни... Школа должна готовить не только образованных людей, но и граждан, способных к общественной работе» [4, с. 295–296]. Слова, сказанные более века тому назад, не утратили своего значения и сегодня. Можно ли научить патриотизму? Несомненно. При этом необходимо помнить, что любовь к Отечеству начинается с любви к человечеству в целом. Начинать необходимо с любви к семье, к школе, вузу, родному городу, краю и, наконец, к государству. Сегодня совершенно очевидно, что решения множества проблем российского социума во многом зависят от уровня зрелости гражданской позиции молодежи. «России не станет тогда, когда не станет последнего патриота» [9]. Одним из приоритетных направлений современного образовательного процесса должно стать именно патриотическое воспитание.

Начало третьего тысячелетия выдвинуло на первый план такие признаки патриотизма, как: безграничная и деятельная любовь к Родине; гордость за символы Отечества и свой народ; приверженность традициям, ценностям своего народа; готовность защищать честь и славу своего Отечества; гуманизм, милосердие.

Духовное возрождение России возможно только в условиях искренней любви к своему Отечеству, своему народу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Белинский, В. Г.* Собрание сочинений: в 9 т. / В. Г. Белинский. – М. : Просвещение, 1954. – Т. 5. – 846 с.
2. *Вырщиков, А. Н.* Концептуальные основы патриотически-ориентированного образования : монография / А. Н. Вырщиков, М. Б. Кусмарцев. – Волгоград : НП ИПД «Авторское перо», 2004. – 160 с.
3. Заседание Совета по межнациональным отношениям / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/news/46144>
4. *Зеньковский, В. В.* Психология детства / В. В. Зеньковский. – Екатеринбург: Деловая книга, 1995. – 352 с.
5. *Ильин, И. А.* О родине / И. А. Ильин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://fondhrisianin.ru/ivan-ilin1>
6. *Ильин, И. А.* О сущности правосознания / И. А. Ильин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/ilyin/ilyin07.htm>
7. *Иоанн Златоуст.* Уроки о воспитании / Иоанн Златоуст. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: http://rpczmoskva.org.ru/wp-content/uploads/Zlatoust_vosp.pdf
8. *Карамзин, Н. М.* О любви к Отечеству и народной гордости / Н. М. Карамзин. – [Электронный ресурс] – Режим доступа : URL: <http://historik.ru/books/item/f00/s00/z0000051/st085.shtml>
9. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия / сост. Н. Березин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 830 с.
10. *Овчинникова, А. И.* Базовые ценности и конституционное развитие России / А. И. Овчинникова // Философия права. – 2011. – № 5. – С. 50–55.
11. *Радищев, А. Н.* Беседа о том, что есть сын Отечества (в сокращении) / А. Н. Радищев // Антология педагогической мысли России XVIII века. – М. : Педагогика, 1985. – 480 с.
12. *Татищев, В. Н.* Духовная моему сыну (в сокращении) / В. Н. Татищев // Антология педагогической мысли России XVIII века. – М. : Педагогика, 1985. – 480 с.

Редактор:
Е. В. Кравцова

Компьютерная верстка:
Е. В. Макарова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–63553 от 30 октября 2015 г.
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес редакции и издателя: 400005, г. Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28.
Волгоградский государственный технический университет (ВолгГТУ)
Телефон: гл. редактор – (8442) 24-80-15
E-mail: raissa@vstu.ru

Темплан 2017 г. Поз. № 15ж. Подписано в печать 13.04.2017 г. Формат 60 x 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 6,40.
Тираж 100 экз. Заказ №
Оригинал-макет и электронная версия подготовлены РИО ИУНЛ ВолгГТУ
400005, г. Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.
Отпечатано в типографии ИУНЛ ВолгГТУ
400005, г. Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.